

РУССКАЯ
ФАНАСТИКА

ГЕОРГИЙ
ЛАНКОЙ

ПОПРЫГУН

Георгий Ланской

Попрыгун

«Автор»

2010

Ланской Г. А.

Попрыгун / Г. А. Ланской — «Автор», 2010

Во вселенной существует множество миров. У каждого свой создатель - Император. И однажды странное существо, которое Императоры называют Попрыгуном, уничтожает их один за другим. Противостоять таинственному монстру придется семерым Скользящим - людям, умеющим перемещаться в разные миры. В погоне за неведомым соперником им предстоит испытать на прочность дружбу, любовь, потерять близких и веру в себя. Книга впервые издается в электронной версии на сайте "ЛитРес".

© Ланской Г. А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Император: начало	5
Часть первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Георгий Ланской

Попрыгун

Император: начало

Наверное, я сошел с ума...

Безумие ведь не приходит по расписанию, не стучит в дверь, расшаркиваясь, и сменяя свои растоптанные штиблеты унылого черного цвета на пушистые домашние тапки. Оно подкрадывается к вам по ночам, когда вы спите. Оно приходит днем, когда вы размешиваете в бокале свой чай и тоскливо глядите на осенний дождь за окном. Вы не подозреваете, что сходите с ума, когда что-то лопается в вашей голове.

Бамс!

У вас не отвалятся уши, не скривит набок нос, даже прыщ на лбу не выскочит. Но именно в этот момент, за вывеской вашего лица, на котором не произошло никаких изменений, что-то неукротимо портится, сворачиваясь в тугую спираль, которая лопается, подобно корабельному канату. Нитка за ниткой, связка за связкой...

Вы и не заметите, как упадете в темный колодец безумия. О, поначалу это будет выглядеть вполне обыденно. Разве что вы начнете мило беседовать сами с собой, хохотать над шутками невидимых собеседников и испуганно замолкать, когда мимо будет проходить недоуменно оглядывающий вас прохожий. Он ведь не знает, что вы умеете беседовать с эльфами, а гномы ежедневно чистят вам башмаки. Только это тайна! Тс-с-с-с!!!

Потом вам станет наплевать на то, что кто-то из прохожих может вас услышать. В конце концов, это личное дело. Ваше, гномов и эльфов. Уж вы-то (вы-то!!!) прекрасно понимаете, что убедить ваших близких в том, что в пеларгонии на подоконнике живет цветочная фея вам уже не удастся. Ваши близкие с паникой во взоре начинают шарахаться, когда вы обращаетесь к невидимым для них собеседникам. На их лицах ужас и брезгливое презрение. Вам крупно повезет, если они решат оставить вас дома, а не сдадут в ближайшую психушку. Уж там то, медбратья с пудовыми кулаками живо насуют вам полную задницу аминазина, шелбанами разгонят фей, отдубасят троллей и гномов, а нежных эльфов выкинут из окна. И это будет продолжаться каждый день, пока вы сами не превратитесь в вяло цветущую пеларгонию, практически не реагирующую на внешние раздражители.

Ужас!

Остерегайтесь больниц. Остерегайтесь милых улыбок врачей, которые почему-то верят, что вы Император. Они согласятся со всем, что вы им скажете: что вы Иван Грозный, Ленин или Наполеон Бонапарт. Назовитесь хоть редиской, хоть вяло цветущей гортензией, они согласятся с вами. Вы поверите, что они тоже видят гоблинов и вампиров, а они, мило улыбаясь под хрустальный звон колокольчиков цветочных фей, пригласят не менее мило улыбающихся кубообразных санитаров со спрятанными за спину шприцами в руках и милыми рубашками. С очень длинными рукавами.

И тогда вам конец.

Вам очень повезет, если в вашей палате не будет еще дюжины вопящих психов. Впрочем, одиночный карцер или лечение электрошоком вряд ли можно назвать везением.

Вы можете попытаться не пить таблетки, но вот беда, они, эти кубообразные санитары, всегда проверяют, проглотили вы заветные белые, розовые и красные кругляшки или выплюнули. И если вы решили их не пить, вас заставят проглотить лекарства силой, а если будете сопротивляться – сделают укол. Ну, а после всех этих процедур, вам будет глубоко наплевать, видите ли вы фея или вы просто гортензия с дрожащими лепестками.

Рано или поздно, вы перейдете в состояние растения. Потому что по большому счету сумасшествие не лечится. Его можно купировать, заморозить, затормозить, но вылечить практически невозможно. Вы проведете остаток своих дней в комнате, с очень белыми стенами. Возможно, оббитыми мягкой тканью. Вполне вероятно, что комната не будет настолько уютной, а вашими соседями будут еще несколько пеларгоний. Или кактусов. Или как вам угодно их назвать.

Кто-то из великих однажды сказал: «Не дай мне бог сойти с ума. Уж лучше посох и сума!»

Видимо, мне повезло не настолько.

Как иначе объяснить то, что я видел перед своими глазами?

* * *

Он сидел на спинке моей кровати, скрестив ноги по-турецки и глядя на меня с потрясающей безмятежностью. У меня же настроение было не настолько радужное. Ноги не держали, это уж точно. Я бухнулся на кровать, хватая ртом воздух. Он молчал, оглядывая меня с сочувствием и любопытством. И молчал. Я тоже молчал.

Вы бы поняли мою реакцию, если бы перед вами предстала ваша точная копия, одетая в такие же зеленые спортивные штаны с вытянутыми коленками, старую майку с надписью «Рибок» пошитой трудолюбивыми китайцами наспех. На майке отваливалась буква «Р», буква «К» давно отвалилась и прочитывалась только силуэтом двойного шва белых ниток. Точно так же как на моей майке. Я скосил глаза на свои штаны, который только что слегка облил чаем. На коленке моего двойника было точно такое же пятно. На лбу нахально торчал наливающийся краснотой прыщ, а под носом топорщились три волосинки. Когда я бреюсь, я, почему-то плохо захватываю участок под левой ноздрей, забывая сбривать ровно три волосинки. Впрочем, это не удивительно. В моей ванной нет зеркала. Точнее, оно есть, но оно вмуровано в ванной в стену по горизонтали на уровне моего пупка. Сидя на унитазе можно наслаждаться видом себя с выражением глубокой задумчивости на лице. Чтобы посмотреть на себя в зеркало при бритье, нужно согнуться в три погибели. Поэтому я всегда бреюсь вслепую. И у меня всегда это получается не бог весть как.

Мой двойник, похоже, страдал тем же самым. На подбородке были плохо выбритые участки. Я покосился в зеркало, висевшее на дверце платяного шкафа, подозревая, что моего двойника там не будет. Зеркало послушно отразило нас обоих.

Что за чертовщина?

Я неуверенно пошевелился и протянул руку к моему двойнику, уверенный, что он сейчас поступит так же. Но он сидел и улыбался, не делая ни одной попытки повторить моих движений.

Пальцы нащупали ткань майки, горячую кожу. Двойник пошевелился, я испуганно отдернул руку.

– Ну, что? – спросил он моим, слегка насмешливым голосом, – Нагляделся? Я могу перейти к делу? Или ты еще чуть-чуть поволнуешься?

– А ты кто? – глупо спросил я. Ну, согласитесь, спрашивать у самого себя, кем ты являешься не очень умно. Но другие вопросы в этот момент мне в голову не приходили.

– Я? – осведомился двойник и почесал коленку. Я сделал то же самое, поскольку коленка в этот же самый момент зачесалась и у меня. – Я – мечта. Радость. Кошмар. Обуза. Великое Счастье и Великая Беда. Я – удел, который выпадает немногим людям. Ты стал таким. Ты Избранник. Император.

– Бред какой-то, – фыркнул я, неожиданно развеселившись. – Я вот думаю, если сейчас вызову «скорую помощь» нас обоих заберут или только меня? И что скажет мой психиатр, когда увидит меня в стенах своего заведения?

– Не пори ерунды, – скривился двойник. – Во-первых, нет у тебя никакого психиатра. Во-вторых, я довольно легко докажу тебе, что ты в полном здравии.

Я покосился на часы. Дешевый китайский будильник ехидно улыбался стрелками, на которых было без десяти минут два. Ночи, естественно. Самое время для визитов поздних гостей. В голову услужливо полезли Шерлок Холмс и доктор Ватсон, которые как-то постановили, что ночь – время, когда силы зла действуют безраздельно. Я почувствовал, как волосы зашевелились на моей голове.

– Ты – Дьявол? – осведомился я.

Двойник фыркнул.

– Что за чушь лезет тебе в голову?

– А что я должен думать? – возмутился я. – Два часа ночи. На моей кровати сидит человек, который как две капли воды похож на мою собственную фотокарточку. И если я не свихнулся, как ты утверждаешь, то ты...

Двойник посмотрел на меня с плохо скрываемым одобрением.

– ...ты – не человек, – закончил я. – Потому что человек не попал бы в мою квартиру незамеченным. Тут и спрятаться негде, а дверь я закрыл на задвижку.

Двойник трижды хлопнул в ладоши.

– Все верно. Я – не человек. И никогда им не был. Я, разумеется, могу придать себе облик любого существа, но наиболее близок мне вид хозяина. То есть тебя.

Я ошарашено смотрел на своего ночного гостя. Мелькнула свежая мысль, что я просто сплю, и мне снится кошмарный сон. Я робко ущипнул себя за бок. Боль была настоящая, двойник поморщился и потер бок. Я же с неудовольствием констатировал, что надежда улетучилась. Непонятное существо рядом со мной не вызывало чувства страха, агрессии и даже особой тревоги.

– Так кто ты? – робко спросил я. Двойник сморщился и еще раз потер бок.

– Между прочим, больно было... Хорошо, я все тебе объясню по порядку. Я прекрасно знаю, что ты за человек и понимаю, что тебе нужно объяснить популярно и доходчиво, а где можно будет прибегнуть к каким-то общим чертам. Итак, я – Мир.

– Это имя? – спросил я.

– Нет. Я – обычный мир. Не вселенная. Даже пока не совсем обитаемая планета. Что-то весьма среднее, непонятное и нестабильное. Я попрошу тебя не перебивать меня, а я все подробно расскажу доступным тебе языком.

Миры – субстанции неопределенные. Они рождаются ежесекундно и ежесекундно гибнут. Мы не совсем разумны и в вашем, человеческом понимании схожи, пожалуй, со своеобразными паразитами, которые не могут существовать без своего носителя. Так же, как паразитам, нам необходимо найти хозяина, присосаться к нему и поглощать его жизненные соки...

– Хорошенькая перспектива, – хмыкнул я.

– Еще какая. Но в отличие от паразитов, которые высасывают из носителя всю его силу, кровь, соки и вдобавок награждают кучей неприятных болезней, мы, Миры, даем своему хозяину огромную власть в собственных пределах. Нам это крайне необходимо и выгодно. Чем сильнее, умнее, могущественнее наш носитель, тем быстрее развивается Мир, его структура, население, культура, наука и техника. К сожалению, далеко не всем Мирам везет. Иногда они не успевают найти своего носителя и гибнут. Иногда носитель бывает, скажем так, ограничен своими потребностями. И тогда Мир, созданный таким носителем, обречен на жалкое существование.

– То есть?

– Буквально. Представь себе роскошный дворец, с фонтанами, садами, павлинами и сотней услужливых гурий, выполняющих любую прихоть Императора.

Я представил и хмыкнул. А что, очень даже неплохая жизнь!

– Вот-вот, – улыбнулся двойник. – райская жизнь, предел мечтаний. А теперь одна маленькая поправка. Стоит этот дворец в пустыне, или на скале посередине Мирового океана. И больше в этом мире нет ничего, только дворец, гурии и Император. Человек двести на целую планету, на которой ничего больше нет. Ни городов, ни лесов, ни рек. Пустота. И такие миры существуют и вынуждены вести подобное существование, потому что им просто не повезло с носителем. Я скажу тебе больше, таких миров очень много. Они остановились в своем развитии, потому что в свое время в развитии остановился их Император.

Эта картина понравилась мне гораздо меньше. Я сдвинул к переносице брови, а моя двойник удовлетворенно кивнул.

– Вот-вот. Безграничная власть и пародия на величие в лице дорвавшегося до власти фигляра. А мы, по сути, разумные существа, вынуждены подчиняться законам, которые нас уязвляют, и ничего не можем сделать.

– Почему бы тогда не сменить носителя? – разумно возразил я.

– Это, к сожалению, невозможно. Миры не меняют хозяев и не имеют возможности их выбирать самостоятельно. Право на собственный Мир определяется не нами. Если бы это было так, мы предпочитали бы подчиняться гениям, даже злым, даже одержимым, но гениям, потому что имели бы возможность определенного развития. Увы, но нашими хозяевами часто становятся люди ограниченные, глупые и жадные не до знаний и могущества, а до обычного чревоугодия. И тогда в своем развитии останавливается и Мир. Это похоже на ребенка-дауна, которого обучили простым действиям, с той разницей, что в нашем случае этот пресловутый ребенок-даун понимает собственную ущербность.

– Да, – протянул я, – печальная история. Но при чем тут я?

– При том, – веско ответил двойник. – Ты – Император. Мой Император, если быть точнее. Я твой Мир. Я – пуст. Наполни меня.

Я надолго замолчал, глядя поверх плеча двойника. Перспективы, которые открывались передо мной, были весьма заманчивыми, но в то же время что-то свербело у меня в висках, словно предостерегая: «Берегись!» Неясная тревога волнами то накатывала, то отступала, давая место слепым надеждам.

– Что это дает мне? – тихо спросил я. Двойник улыбнулся победоносной улыбкой.

– Безграничное могущество в пределах Мира. Ты – творец. В своем Мире ты – Бог. Можешь создавать, разделять и властвовать. Никто не сможет встать у тебя на пути.

– Что будет, если я откажусь? – еще тише спросил я. Но мой собеседник меня услышал и покачал головой.

– Ты не можешь отказаться, – ответил он. – Теперь от твоего согласия или несогласия ничего уже не зависит. Ты мой Император и останешься им навсегда. Даже если ты не хочешь что-то менять сейчас, рано или поздно ты передумаешь. У тебя впереди долгая, очень долгая жизнь, насыщенная самыми разными событиями: хорошими и плохими. И рано или поздно ты сам придешь в свой Мир, чтобы убежать от проблем, которые будут тяготить тебя здесь.

Мы замолчали. В моей голове что-то тикало, словно неразорвавшаяся бомба, готовая в любую секунду разнести моя череп изнутри, изрешетив осколками все вокруг. Я потер пальцами виски, с удивлением отметив, что руки у меня совершенно ледяные.

– Мне нужно подумать, – наконец ответил я. – В конце концов, такие известия человек получает не каждый день.

– Думай, – снисходительно пожал плечами двойник. – У тебя впереди целая вечность. Когда будешь готов – позови...

* * *

Я думал четыре дня. Вполне возможно, что думал бы дольше, но цепь необычных событий, произошедших со мной, ускорили перемены в обычной жизни. Как и предсказывал мой двойник, иногда плыть против течения становится невыносим трудно. Я никогда не был хорошим пловцом. Куча мелких и крупных неприятностей, свалившихся на меня, заставила меня ускорить принятие решения. И однажды вечером я, забившийся в угол собственной квартиры, нерешительно позвал своего двойника, втайне надеясь, что недавний разговор мне просто померещился. Надежда умерла в зародыше. Двойник появился мгновенно, сел напротив и радостно оскалился. Его зубы были отвратительно белыми, совсем не похожими на мои, а в еще недавно голубых глазах горело пламя.

– Я согласен, – выдохнул я.

– Я не сомневался, – кивнул двойник, протягивая мне руку. Рука была точной копией моей, даже заусенцы на пальцах с идеальной точностью повторяли те, что украшали мою руку. – Пойдем?

– Пойдем, – согласился я, бросая на свою квартиру прощальный взгляд. Мы сделали шаг вперед и очутились... в моей же квартире. Только чуть менее захламленной. Я ошалело осмотрелся по сторонам. Все было точно так же как в моем доме... Но я точно знал, что это не моя старая квартира, не мой дом и не мой прежний мир. Я подошел к окну. За ним был до боли знакомый пейзаж, красовавшийся за треснутым стеклом. Не знаю почему, но эта сверкающая трещина притягивала мое внимание, словно бриллиант, невесть почему валявшийся прямо на земле. Я смотрел на трещину в стекле и с каким-то неудовольствием подумал, что даже тут не в порядке. Подняв руку, я прикоснулся к этой зияющей стеклянной ране и повел вдоль трещины пальцем.

От указательного пальца вдруг пошло легкое тепло, а его кончик слабо засветился. Трещина почему-то начала полыхать странным фиолетовым светом, а ее рваные края стали сплзаться друг к другу. Фиолетовый свет становился все слабее и слабее, а потом погас. Я оторопело уставился на стекло. Трещины как не бывало. Я обернулся на своего двойника. Тот стоял за спиной и одобритительно смотрел на меня. Его глаза горели ярким фиолетовым светом.

– Что это было? – слабым голосом спросил я. Двойник улыбнулся.

– Я же тебе говорил, что здесь для тебя возможно все. Не хочешь попробовать еще?

– Хочу, – выкрикнул я, но в ответственный момент мой голос дал петуха. Двойник засмеялся, а я откашлялся и произнес более уверенно:

– Хочу. С чего мне стоит начать?

Двойник подошел ко мне и сел у моих ног, глядя на меня снизу вверх с выражением величайшей признательности.

– Думаю, для начала мне стоит дать имя.

Я думал недолго.

– Мир, в котором я могу делать все, что хочу, где я повелитель и властелин может носить только одно имя. Мой мир будут называть Эдем...

Часть первая

Медузы Сейвиллы

Гном теснил меня все сильнее и сильнее. Ему, низкорослому и коренастому, удавалось легче сохранять равновесие на скользких, покрытых слоем плесени, камнях. Да и своей секирой он орудовал умело. Впрочем, если быть объективным, он, в отличие от меня, отнюдь не стремился сохранить мне жизнь. Напротив, его целью было оттяпать мою буйную головушку в кратчайшие сроки. Мне же приходилось несладко. Во-первых, я вовсе не хотел убивать гнома, посему защищался, как мог своим коротким мечом. Во-вторых, я был выше гнома как минимум на голову, а в низких сводах пещеры то и дело попадались острые выступа, свисающие с потолка сталактиты, да и сами ходы были узкими, точно рыли их не гномы, а кроты. В-третьих, мне необходимо было любой ценой уберечь от повреждений ту добычу, что висела у меня за спиной в дорожном мешке.

– Отдай, подлый вор! – яростно прошипел гном, размахивая своим оружием у меня перед носом. Я не ответил, уворачиваясь от ударов. Поединок изрядно вымотал меня, а силы необходимо было беречь перед последним рывком. Гном гневно сверкал глазами из-под кустистых рыжих бровей. Огненная борода развевалась флагом, а из-под шлема торчали грязно-рыжие лохмы.

Звали гнома, естественно, Гимли. Когда он, застав меня в сокровищнице, грозно прорычал свое имя, я закатил глаза. Фантазия у Императора этого мира была явно никудышная. Это был уже четвертый Гимли, которого я встречал в своих путешествиях. Все они были разными, разного возраста и роста, с разными характерами, но практически все были рыжими, ворчливыми и скорыми на расправу. Последнее качество мне нравилось меньше всего. Гномы редко церемонятся с непрошенными гостями, а уж если его при этом еще и зовут Гимли – пиши пропало. Гномов я в принципе не любил, как, впрочем, и они меня. В девяти мирах именно короли гномов назначили награду за мою голову. Мне оставалось уповать только на общеизвестную жадность этих созданий, которые предпочитали не расплачиваться со своими кредиторами. Только поэтому меня пока никто не продал этим нечеловекам.

– Отдай! – взвыл Гимли и с нечеловеческой силой ударил по каменной стене. Целился он, разумеется, в меня, но не попал, по причине сильного опьянения. В сокровищницу гном Гимли явился с бочонком эля под мышкой, пошатываясь и натываясь на предметы. Если бы выпитое так не ударило ему в голову, то моя точно уже валялась бы на земле или была бы насажена на кол.

Секира угодила в стену, и меня обдало крошевом мелких камушков. Я поскользнулся на липких камнях и упал навзничь. По лицу потекло что-то теплое. Я злобно выругался, а гном, ликуя, ринулся в атаку, надеясь, что зацепил меня сильнее, чем есть. Но излишняя торопливость его и подвела. Занесенная надо мной секира врезалась в низкий свод. Еще не понимая, что делает, гном рванул ее, но острое лезвие застряло где-то там, в щели между камнями. Гном поднатужился и рванул свое оружие изо всех сил.

Сверху что-то треснуло. Гимли поднял голову, и тут из каменистого потолка начали валиться валуны. Самый первый стукнул гнома по лбу. Гимли взвыл и рванулся с места, не выпуская секиру из рук, но она крепко застряла в потолке. Поминая всех святых, гном дернул ее. Каменный потолок не выдержал и начал разваливаться на куски. Гимли пытался закрыться руками, но камнепад был весьма внушительен. Спустя мгновение, гнома засыпало с ног до головы. Точнее сказать, голова осталась торчать над каменной кучей и не сказать, что очень уж пострадала. Разве что шлем пришел в полную негодность и напоминал скорее ржавую кастрюлю, надетую на голову впопыхах. Камешки все падали и падали прямо на голову гнома с

жестяным стуком, точно горох в железную чашу. Но Гимли, надо отдать ему должное, даже не потерял сознания. Он морщился, кривил губы, но при этом злобно косился на меня, закрывая глаза только тогда, когда по шлему ударял более крупный камень.

Я поднялся и подобрал свалившийся со спины мешок. Медленно, с опаской я приближался к беспомощному гному, который явно подобрался и готовился дорого отдать свою жизнь.

– Ты живой? – осведомился я.

Гном выругался и плюнул в меня, но не попал, желтая струйка слюны потекла по его вымазанному и окровавленному подбородку.

– Давай, давай, – ехидно сказал он мне, – отруби мне голову. Пусть все узнают, что Гимли, из рода Двалина, бился, как лев и был убит предательски, когда не мог пошевелиться. Доблести тебе это не прибавит подлый вор, грязный колдун.

Я подошел ближе и пнул ногой ближайший камень. Или мне показалось, или камень действительно сдвинулся с места. Освободиться из подобной ловушки гному, привыкшему ковыряться в земле, особого труда не составит.

– Не собираюсь я тебя убивать, – ответил я. – Не нужна мне слава убийцы славного Гимли... Тем более из рода Двалина.

Я перешел на понятную гному речь, но, похоже, его это не убедило.

– Тогда вынь меня отсюда и дерись, как мужчина! – заорал гном. Сверху что-то заскрежетало, и о шлем Гимли стукнулся очередной камень. Гном наморщился и застонал.

– Извини, не могу. Ты очень сильный противник, даже когда пьян в стельку. А у меня есть дела. Так что достать тебя я не могу, некогда.

Я повернулся, чтобы уйти, но гном остановил меня.

– Послушай, – сказал он вкрадчивым голосом, – зачем тебе эта вещь? Ты знаешь, кому она принадлежала? Это реликвия, которую наш род бережет уже очень много лет. Хочешь, я выкуплю ее у тебя, если не сумел отнять в честном бою? Я дам тебе столько золота. Сколько она весит.

Я хотел было ответить, но тут заметил, как с легким стуком с левой стороны каменной кучи вниз катятся камни. Гном заговаривал мне зубы, а сам уже практически освободил правую руку.

– Извини, мне не подходит это предложение, – усмехнулся я, косясь на сотрясающуюся каменную кучу.

– Я дам тебе вдвое больше золота, – искушал меня Гимли. – Ты будешь очень богат. Сможешь закупить всяких колдовских штучек в Мордоре. Там любят колдунов. А ты сильный колдун, раз смог преодолеть все наши заклятия...

Теперь угрожающе зашевелились камушки с правой стороны. Я сделал шаг назад.

– Я не колдун, гном, – произнес я. – Я просто странник. А теперь мне надо идти дальше. Я отвернулся и сделал пару шагов.

– Стой!!! – взвыл гном. Я остановился и обернулся.

– Окажи мне последнюю любезность, – миролюбиво произнес он.

– Какую?

Гном страдальчески закатил глазки, хитро блеснувшие в тусклом свете угасающих факелов.

– Стыдно признаться, но у меня сильно чешется нос. Не мог бы ты мне почесать его? Это ведь не займет много времени. И потом, ты идешь не в ту сторону. Там нет выхода из горы. Ты заблудишься.

– Думаю, что ты прекрасно справишься сам, а выход из горы мне и не нужен – усмехнулся я и направился вглубь коридора. Гном яростно и натужно заорал и метнул в меня камнем. Признаться, я ожидал такой пакости и был начеку, но он все-таки попал в меня. Глыба с ост-

рыми краями угодила мне в плечо с такой силой, что меня буквально швырнуло в сторону. Гном радостно захохотал и принялся выбираться из ловушки, расталкивая камни в стороны. Я с трудом поднялся с земли и побежал прочь, прихрамывая и пошатываясь. Мне нужно было совсем немного времени для того, чтобы убраться из этой пещеры раз и навсегда, а еще мне нужен был относительно ровный участок. Как назло, коридор все время то сужался, то расширялся. Висевшие на потолке сталактиты мешали мне все сильнее и сильнее. Позади грохотал гном. Он тоже не мог угнаться за мной, но с каждой минутой его рык становился все ближе и ближе.

Тут коридор неожиданно закончился глухой стеной. Я не ожидал этого и налетел на нее. Гном выл от счастья где то совсем рядом.

– Тебе не уйти, – орал он. – Там тупик! Сейчас я раскрою тебе башку!

– Это мы еще посмотрим, – проворчал я и повернулся к стене. Не бог весть какие условия, но в принципе сойдет. Я скинул на землю мешок, пошарил в нем и вынул баллончик с аэрозольной краской красного цвета. Отойдя на пару шагов от стены, я провел краской длинную полосу прямо на каменном полу. Факел в моей руке горел еще вполне прилично, но на всякий случай я достал из мешка дешевый фонарик, которым и пожертвовать было совсем не жаль.

Освещения, которое давали догорающий факел и фонарик, мне вполне хватило. Я отошел еще на пару шагов назад и сосредоточился. От красной черты на земле вверх пошло туманное белесое марево, которое рассеивалось с поразительной быстротой. Порыв горячего ветра рванулся ко мне навстречу. Я выдохнул. Теперь за красной чертой была вовсе не каменная стена, а моя комната, с бежевыми бумажными обоями и квадратом из текстурной штукатурки. Я улыбнулся и поднял с земли мешок.

– Ага! – заорал сзади гном, о котором я уже успел позабыть, – попался, ворюга!

Гном осекся, увидев за колыхающимся туманом отнюдь не камни и даже не насквозь знакомый мир Средиземья. Я повернулся к гному лицом и усмехнулся.

– Прощай, Гимли. Было очень приятно с тобой познакомиться. Не поминай лихом.

Я шагнул назад, пересекая красную черту. Гном взвыл и метнулся за мной, но я уже разорвал открытый портал, и он стремительно закрывался. И тогда Гимли метнул мне вдогонку секиру.

Я успел uklonиться. Секира влетела в мою комнату и вонзилась в стену, уже привыкшую к атакам подобного рода. Портал закрылся под оглушительные ругательства Гимли, осознавшего, что желанная добыча от него ускользнула. Я с грохотом упал на пол, застонав от боли. Чертовы гномы всегда доставляли кучу хлопот. Но в случае удачи, цель оправдывала средства. И в данном случае удача была на моей стороне, несмотря на болевшее плечо и расцарапанное каменной крошкой лицо. В моем мешке лежала добыча, стоимость которой с лихвой окупала бы мне безбедную жизнь лет так на сорок. Я потянулся за мешком и вытряхнул из него все содержимое. Среди нужного мне в путешествиях барахла лежал увесистый сверток, перевязанный бечевкой. Я взял его в руки, и мной овладело беспокойство. Сверток был порван в одном месте, очевидно метким ударом секиры. Когда я бежал от Гимли по коридорам сокровищницы, он один раз довольно ощутимо ударил меня в спину. Раны я не ощутил, а вот теперь... Неужели вещь, за которой я и примчался в Средиземье не в порядке? Я зарычал и начал нетерпеливо распаковывать сверток. А, распаковав, злобно выругался.

Внутри был топор. Боевой топор гнома Двалина. Вещь, безусловно, невероятно ценная, если не сказать, уникальная. Это был уже четвертый боевой топор Двалина, который попадал мне в руки. И все они, выполненные разными мастерами разных миров, были безупречными. Эти топоры делали искусные мастера, украшавшие рукоять золотом и драгоценными камнями. Я искал эти топоры везде, расспрашивая о них, где только можно. И вот, наконец, я нашел еще один. Только теперь выручить за него те же деньги, что и за прошлые находки у меня бы не получилось.

Топор был перерублен почти пополам и держался на честном слове. Массивная золотая рукоять была смята, с рваным краем и испорченными рубинами. Один разлетелся в кроваво-красную пыль, другой треснул и выпал. Я застонал и выронил топор из рук.

– Чертов Гимли, – проворчал я.

* * *

– Не хорошо, – веско сказал Анвар, покачивая в руках изуродованный топор. – Это совсем не то, что я хотел бы купить.

Я пожал плечами и пригубил кофе. Кофе в Турции готовили замечательно, с густой ароматной пенкой, терпкий и обжигающий. Такой кофе бывает только здесь, под жарким солнцем Анталии. Мясо тоже заслуживало внимания, но есть мне совсем не хотелось. Анвар тоже только отщипнул от своей порции, с вождением ожидая, пока я распакую топор, но его интерес быстро угас, когда он увидел в каком состоянии это оружие.

– Прежде ты приносил лучшие экземпляры, – сокрушенно произнес Анвар. – А этот никуда не годится. Он... – Анвар попытался подобрать нужное слово, но только почмокал губами... – Он... изувечен.

Я снова пожал плечами.

– Это все-таки боевой топор, Анвар, – сказал я, поставив чашку на стол. – В том Средиземье, которое я посетил в последний раз, Двалин давно умер. А точнее сказать, погиб в бою. На топоре до сих пор есть его кровь. Так что это ничуть не снижает его стоимости.

Я нагло врал. Проверить мои слова у Анвара не было ни малейшей возможности. Он ведь не был скользким, да и выхода на других скользких у него не было. Однако расставаться с деньгами за сломанный топор Анвару не хотелось.

– Я дам тебе за него... пять тысяч, – наконец выдавил мой собеседник, глядя на топор с сожалением. Однако я даже ухом не повел. Даже испорченный топор стоил как минимум в пять раз дороже. А в глазах Анвара стояла алчность, вспыхнувшая после моего заявления, что топор выпал буквально из рук Двалина, умирающего в бою. Анвар уставился на меня, я же прихлебывал остывающий кофе.

– Чего молчишь? – не выдержал Анвар.

– Это даже не смешно, Анвар, – фыркнул я. – Особенно если учесть, что я едва не лишился головы, добывая его. И только из уважения к тебе я отдам его за... тридцать.

Анвар поперхнулся и закашлялся. Кофе, выстреливший из его рта, забрызгал белую скатерть и даже немного попал на меня. Я небрежно смахнул коричневые капельки с футболки и более тщательно протер топор.

– Ты просто грабишь меня! – приглушенно зашипел он. Кричать громче ему не позволяли немногочисленные посетители кафе, которые уже давно с интересом поглядывали в нашу сторону. Особое их внимание привлекал таинственный предмет, который Анвар разглядывал с невероятным интересом.

Я пожал плечами и начал заворачивать топор. Анвар перехватил мою руку.

– Семь тысяч, мое последнее слово.

Я криво усмехнулся и не ответил, продолжая запаковывать топор. Анвар не уступал и тянул его к себе.

– Десять, – прохрипел он. Я презрительно улыбнулся.

Анвар залпом выпил остывший кофе, поперхнулся гущей и вцепился в топор, который я уже готовился убрать в сумку. Торг продолжился. Анвар поднял свою ставку до пятнадцати тысяч, я опустил свою до двадцати семи. Спустя каких-то сорок минут я стал богаче на двадцать пять тысяч шуршащих зеленых купюр с милыми портретами американских президентов, а Анвар получил боевой топор Двалина, не в наилучшем состоянии, но все таки...

Я посидел в кафе еще пару минут после того, как толстый турок убрался восвояси, унося свою добычу. Охранник у дверей посмотрел на меня мутным взглядом. Еще два чернявых турецких мачо косились с недобрым блеском в глазах. Я предположил, что примерно минут через пять мне настойчиво предложат поделиться своим наваром. Сидящие за дальним столиком пышногрудые и страшноватые дамы сильно облегченного поведения на меня смотрели с не меньшим интересом. Одна из них переглянулась с недобрыми мачо и, после их легкого кивка отправилась в мою сторону. Я допил кофе и стал ждать развития событий.

– Hello, – поприветствовала меня дама, пытавшаяся скрыть свое славянское происхождение. – How do you do?

– Мое хаудуюду неплохо, а твое как?

– О, ты русский, – обрадовалась дама и без приглашения уселась за мой столик, – слава богу, а то я запарилась уже общаться с этим немцами. Угостишь меня выпивкой?

– Угощу, – кивнул я и щелкнул пальцами. Около меня материализовался официант.

– Даме раки, мне еще кофе, – велел я на неплохом английском. Официант меня понял и испарился. Дама довольно улыбнулась и подседа поближе.

– Ты давно в Анталии? – жеманно спросила она, закуривая сигарету.

– Полтора часа, – честно ответил я.

– Отдыхать или по делам?

– Как получится, – уклончиво ответил я, искоса поглядывая на притулившихся у дверей мачо. Путана откинула со лба прядь вытравленных до бела волос и выпустила из ноздрей красивое облачко дыма.

– Желаеть развлечься? – осведомилась она. Я улыбнулся, критически оглядывая дамочку, успевшую в свои тридцать пять – тридцать шесть лет изрядно располнеть, приобрести нездоровый цвет лица и варикоз на ногах. Если учесть, что я ее как минимум на десять лет моложе, предложение особо заманчивым не было. Впрочем, почему бы и нет? Мне было даже интересно, как меня будут грабить на этот раз. Скорее всего, по дороге в малину, где пышнотелая дама захочет ублажить меня.

– Можно, конечно, и развлечься, – ответил я. – А что у нас входит в культурную программу?

Путана улыбнулась, небрежно закинула ногу на ногу и вдруг заговорила сквозь зубы, не двигая губами.

– Видишь парочку у дверей? Не оглядывайся только... Тебя пасут. Как только мы выйдем, они на тебя нападут. Они видели, что Анвар с тобой расплатился.

– Спасибо, – тихо ответил я, имитируя самую вежливую улыбку, – я так и понял. Почему ты решила меня предупредить? Ведь они же твои хозяева.

– Козлы они, – спокойно ответила она. – Анвара они давно хотят поприжать, да ручки коротки, а ты человек тут никому неизвестный, иностранец. В полицию, скорее всего не побежишь, раз у вас с Анваром дела какие-то. Никакого риска.

– Может тебе чем-нибудь помочь? – спросил я, подсаживаясь к ней поближе. – Я могу вывезти тебя из страны.

– Спасибо, – ухмыльнулась она, – да только куда мне ехать? В родную деревню? Я и делать то ничего не умею, только ноги раздвигать. И потом, нет мне назад дороги.

– Как тебя зовут хоть?

– Эльвира. Но это так, для клиентов. А по жизни я Таня. Что делать-то будешь? Они же тебя не выпустят.

– Выпустят, – успокоил ее я и незаметно сунул за подвязку двести долларов, – спасибо за предупреждение.

– Мы же русские, – улыбнулась она и встала из-за столика. Я подозревал официанта, расплатился с ним и направился к выходу. Эльвира-Таня проводила меня испуганным взглядом,

а я, небрежно закинув рюкзак на плечи, вышел на улицу. Анталийский вечер встретил меня запахом моря и фруктов, к которому неприятными нотками примешивался заметный запах нечистот и тления. Где-то жалобно мяукала кошка. Уже в десятый раз я удивлялся тому, что на улицах города я постоянно вижу бездомных кошек и практически не вижу собак, разве что домашних, в красивых ошейниках или намордниках. Выгуливали их почему-то люди исключительно европейской внешности, на турков не похожие. Я даже как-то хотел спросить об этом Анвара, но передумал. Для себя я сделал вывод, что турки собак не любят, и перестал об этом задумываться.

Даже без предупреждения Тани-Эльвиры я заметил бы двух мужчин, притаившихся в подворотне. Они стояли в тени густого куста жасмина и шептались на своей тарабарщине. Увидев меня, они синхронно дернулись и потянули руки к поясам. Я шел прямо на них, не снижая скорости. Это их нисколько не смутило. И совершенно напрасно.

В шаге от них я остановился, бросив рюкзак под ноги, и насмешливо уставился на них. Все молчали. Впереди шелестело море, в старом городе грохотала ночная дискотека, слышались громкие голоса. По дороге проехала желтая полицейская машина, на минуту осветив нас всполохами своей мигалки. Напряжение нарастало. Я ждал первого удара.

Первым не выдержал более мелкий турок, с узкими, неприятными чертами лица и выпученными глазами. Выбросив вперед руку, в которой блеснуло тонкое лезвие, он ринулся на меня. Я легко уклонился от удара и, вывернув руку турка, забрал у него нож. Турок отлетел в сторону, спотыкаясь о собственные ноги. Я швырнул нож куда-то вниз, услышав, как он погрохотал по каменным ступеням очень крутой и неудобной лестницы, ведущей к набережной. Ушибленный турок поскуливал, прижимая к груди руку. Второй с атакой не спешил, недоуменно переводя взгляд с меня на своего неудачливого товарища.

– Чего стоим, кого ждем? – негромко осведомился я по-русски.

Турок слов не понял, но отреагировал правильно. Не мешкая, он бросился на меня с кулаками. Ножа он почему-то не достал. Видимо, решил оставить его на потом. Это было даже скучно. Возиться с ним совершенно не хотелось, а жажда развлечения за чужой счет прошла. Я с наслаждением пнул приблизившегося на расстояние удара турка в живот. Он хрюкнул и завалился в кусты.

– Аплодируем, аплодируем, кончили аплодировать, – подытожил я, раскланиваясь с пустотой. Анталия на аплодисменты была скупа. В отдаленном шорохе прибой слышалась насмешка и немного сочувствия к поверженным врагам. Я скривился, поднял рюкзак с земли и начал спускаться по лесенке вниз, светя под ноги брелком-фонариком. Мне требовалось всего лишь чуть-чуть свободного пространства с глухой стеной впереди и отсутствие посторонних глаз для открытия портала к себе домой. Внизу я обогнул шумную толпу отдыхающих туристов у бара без имени и пошел по узкой улочке вниз, разыскивая место без окон и свидетелей. Такое нашлось быстро. На безлюдной улочке я начертил вынутым из кармана мелком полосу прямо на брусчатке, сосредоточился и сделал шаг вперед, в знакомый уют собственного дома. На этот раз беспокоиться о тылах не было необходимости, но я все-таки оглянулся и злобно выругался.

Хлипкий турок, у которого я отнял нож, стоял прямо позади меня, с совершенно очумелым видом наблюдая, как моя фигура растворяется в глухом сумраке.

* * *

Проснулся я от звонка. Сотовый гнусавым голоском долдонил одну и ту же фразу: «Если ты трубку не возьмешь, я всем расскажу, что ты разбойник и вор, и свой телефон не купил, а спер!» Мелодию я скачал недавно, считая, что она наиболее подходит к моей нынешней профессии. Теперь вот пришлось расплачиваться за собственное легкомыслие. Нет чтобы поставить себе в качестве звонка соловьиную трель. Хотя бы просыпался бы под приятные звуки.

Просыпаться принудительно я не любил. В каждом таком пробуждении мерещилась опасность. Будь это кто-то другой, я выключил бы телефон и поспал еще часок. Но гнусавый голосок был поставлен на группу «Скользящие». Значит это важно.

Скользящие редко дружат между собой. Мы – редкая индивидуальность, живущая вне пространства и часто вне времени. Мы можем прокалывать пространства и времена, путешествуя в мирах так, как обычный человек пересекает на самолете континенты.

Нам не нужны самолеты. Нам не нужны визы и паспорта и часто не нужны деньги. Все, что требуется для перемещения – потянуть на себя тот мир, который необходим в данное время. Мы можем сжимать пространства в знакомых мирах. Вот почему я, живущий в центральной части матушки России во мгновение ока общаюсь с Анваром, живущим в Турции. Мне не страшна таможня. Любой скользкий, умеющий перемещаться в мирах, утащит с собой столько груза, сколько сможет.

Нас немного. Скользящим становится примерно каждый пятидесятитысячный. Почему – неизвестно. Кто-то мне рассказывал, что знающие люди из числа ученых пытались разгадать этот феномен, но оставили эти бесплодные попытки. У нас нет ничего общего: ни схожих генов, ни одинаковых расовых составляющих, даже характеры у всех разные, хотя скользкий по своей природе должен быть авантюристом. Впрочем, даже самые спокойные и флегматичные из нас рано или поздно становятся на скользкую дорожку авантюры. Иметь возможность видеть другие миры, дано не каждому. И это затягивает, как наркотик, как секс, как самые нехорошие и запретные привычки.

Мы не любим друг друга. Хотя миров бесконечное множество, мы предпочитаем не общаться с себе подобными и практически не дружим. Мы конкуренты во многих случаях, к счастью, не всегда.

Миры не пускают к себе всех подряд. Только теоретически скользкий может попадать в любые пространства и измерения. Часто он о них просто не знает. Имея в активе несколько развитых и интересных миров, скользкий не станет рассказывать о них на всех углах только потому, что мы все-таки люди, и нам присуща алчность. Мы часто занимаемся контрабандой для других. Мы таскаем бриллианты и изумруды, золото и изысканные яства для мирских божков, не позволяя кому-то перехватывать наши контракты.

Самая большая удача – выполнение контракта для Императора. Император распоряжается тем или иным миром и может помимо совершенно царского вознаграждения одарить чем-нибудь еще, вроде некоторых паранормальных возможностей, часто помогающих в других мирах, где на это нет ограничений. Впрочем, Императоры редко снисходят до нас. Им хватает собственного величия. Многие и вовсе не знают о нашем существовании. Слишком уж заняты они собственным величием, чтобы снисходить на простых смертных. Даже таких необычных как скользкие.

Телефон надрывался. Я свесился с кровати и взял его в руку. Пластмассовое тельце вибрировало. На дисплее высветилось хмурое лицо Борегара. Черт...

– Слушаю, – вежливо сказал я. Борегар был одним из самых удачливых скользких, одним из самых сильных и уже дважды лишил меня выгодных клиентов, обходя на повороте. Да и миров он знал не в пример больше меня.

– Я тебя разбудил? – осведомился он, даже не думая поприветствовать. Впрочем, я и не ожидал.

– Да, я отсыпался, – ответил я. – Чем обязан такой честью, Бо?

– Есть дело, не терпящее отлагательств. Возможно, я обеспечу тебе прекрасный контракт.

Я подскочил на кровати. Борегар никогда не делился заказами. Если ему приходилось использовать в своих эскападах помощников, он предпочитал иметь дело с тренированными наемниками Земли или других миров. Иметь дело со скользкими он не любил. Изменить своим принципам было не в его привычках.

– Что-то серьезное?

– Более чем. Тебе приходилось работать в команде, Артем?

Я не ответил, Борегар сделал это за меня.

– Не приходилось. Впрочем, я тоже не люблю иметь дело с такими как мы, но это явно не тот случай.

– Кто в команде? – спросил я. В конце концов, Борегар не самый плохой вариант. Есть среди скользких те, кому дорогу перешел я...

– Все, кого я смогу собрать, – ответил Борегар с вселенским холодом в голосе. Несмотря на оторопелость от подобного предложения, я не преминул отметить про себя, что Борегар мог бы и не разговаривать со мной подобным тоном. Впрочем, в этом он был весь. Презрение и высокомерие ко всем вокруг – вот основные качества, которые он не только не скрывал, но даже подчеркивал. Странное дело, но именно это притягивало к нему очень многих людей, до коллик в желудке старавшихся получить хотя бы искру его расположения.

– Время и место встречи, – лаконично осведомился я.

– Перекресток. В полночь, – кратко информировал Борегар и отключился, даже не подумав попрощаться.

– Хам, – констатировал я и, бросив телефон на кровать, зарылся под одеяло. Времени до полуночи было еще полно, и я надеялся отоспаться. Однако сон не шел. В голову лезли преимущественно посторонние мысли, о том, какие выгоды я обрету от подобного контракта. Будущее рисовалось в весьма радужных тонах. Я даже начал дремать, как тут меня словно подбросило.

Если Борегар обратился за помощью к скользким, значит ситуация нешуточная. И думать нужно не о причитающихся мне бонусах, а о том, как остаться в живых в ходе выполнения этого задания. После таких мыслей мне как-то сразу поплохело. Не то, чтобы я боялся, но рисковать понапрасну я не любил.

«...Все, кого я могу собрать». Странная фраза. Похоже, Борегар сам толком не знал к кому обратиться с подобной просьбой. Здесь, безусловно, играло роль отношение других скользких к Бо, но у меня создавалось впечатление, что дело отнюдь не в этом. Мало кто из нас мог отказаться от выгодного контракта, да еще (я был в этом уверен!) предлагаемого Императором какого-либо мира. Значит, дело было в чем-то еще. Я почувствовал крайнюю необходимость обсудить сложившуюся ситуацию с кем-либо еще. И тут телефон снова завопил гнусавым голосом. Я посмотрел на дисплей. Там высветилось серьезное лицо Сони.

– Слушаю, – сурово ответил я, но потом не выдержал и рассмеялся. – Хочешь, я угадаю, зачем ты звонишь?

– Ты уже в курсе? – осведомилась Соня, забыв поздороваться.

– Не совсем. Кроме расплывчатого предложения Борегара у меня ничего нет. Ты знаешь больше?

– Нет. Но у меня родились интересные мысли на этот счет. Давай обсудим?

Я кивнул, хотя Соня не могла меня видеть, а потом торопливо согласился.

– Давай. У тебя или у меня?

– Давай у меня. Насколько я знаю, у тебя как всегда нечего есть, а я тут отбивную в духовку поставила, – лукаво ответила Соня и добавила уже совсем другим тоном, – как чувствовала...

Соня была одной из немногих скользких, к кому я относился хорошо. И даже более, чем хорошо. Она никогда не переходила мне дорогу, несмотря на весьма внушительные возможности. Соня обладала довольно редким талантом скользких – она могла вести за собой людей, то, чего, к примеру, не умел делать я. Поэтому Соня преимущественно занималась экскурсиями в другие миры. У нее был вполне легальный бизнес – собственная туристическая фирма, в которой помимо обыденных туров в Турцию, Египет и Таиланд можно было заказать

экстремальный тур в глухую тайгу, пустыню или тундру. Или еще что покруче. Соня прекрасно ориентировалась в мирах, где не прекращались войны и отправляла туда желающих выбросить адреналин. Наемники в этих мирах снабжали путешественников-экстрималов оружием, продовольствием, указывали маршрут, а потом Соня ждала их в условленной точке. Не все возвращались из этих путешествий живыми, но Соню эти мелочи уже не волновали. В своих контрактах она оговаривала пункт о возможном невозвращении.

Пообещав, что прибуду к ней через полчаса, я соскочил с кровати. К Соне хотелось прибить во всеоружии. Я побежал в душ, побрился, мурлыкая под нос какую-то привязавшуюся мелодию, потом вытащил из гардероба более-менее приличные штаны и рубашку. Одежду еще предстояло выгладить, что я и сделал в неплохом темпе. Получилось так себе, гладить я никогда не умел и не любил, но вид у меня был вполне приличным. Спрыснув себя одеколоном, я ринулся к стенке, где на полу была прочерчена мелом дорожка. Выдохнув, я потянул на себя тропиночку в один из любимых миров, куда я сбегал отдыхать душой. Мир, в котором почти не было людей, цветущий осколок мироздания с всегда прекрасной погодой. Я шагнул через черту, не замыкая за собой портал. В конце концов, в этом мире мне требовалось пробыть всего минуту.

Я оказался в прекрасном саду с клумбами строгих геометрических форм. Здесь всегда ярко светило солнце, щебетали птицы и благоухали цветы. К одной из клумб я и направился. Собственно, именно для этого я сюда и пришел. На клумбе красовались розы всех оттенков лазури. Я выбрал ярко-голубую розу, срезал ее с куста и аккуратно обернул в прихваченную из дома бумагу. Куст судорожно вздрогнул, а на месте срезанного стебля тут же стали появляться листочки. Спустя всего несколько секунд на месте срезанной розы распустилась новая, только она была чуть-чуть бледнее своей сестры. Я взглянул на куст и вздохнул. Слишком много цветков было более светлого оттенка. С одной стороны клумбы розовые кусты были почти белыми, с бледно-голубым оттенком внутри. Сколько раз их уже срывали? Мне в очередной раз стало неловко.

Я отвернулся и шагнул в марево портала. Попасть в дом к Соне не составляло особого труда. Однако я вышел из зыбкого туманного ничто на лужайке, у сложенного шезлонга. У бассейна на нагретой солнцем кафельной плитке лежал кот невероятного персикового цвета, лениво наблюдавший за порхающими бабочками. На открывшийся портал он отреагировал лишь презрительным взглядом и нервным дерганием хвоста. Животные чувствуют открывающиеся портал гораздо лучше людей, и часто ни за какие коврижки не отваживаются пересекать заветную черту. Я подошел ближе к коту и погладил по голове.

– Привет, Самсон, – вежливо произнес я. Кот, естественно, не ответил. Только хвостом дернул еще сильнее. Как-то не очень он ко мне благоволил. Впрочем, Соня утверждала обратное. По ее мнению, я был немногим, к кому кот относился весьма терпимо. Борегара он, к примеру, на дух не выносил.

– Соня! – крикнул я. Искать по дому или саду было бесполезно. В доме Сони не закрываются сразу четыре портала в осколочные миры, причем в каждом разная погода. Как она умудряется поддерживать их в таком состоянии – непонятно. Процедура эта очень энергоемкая, но Соне все было нипочем. Один портал вел к морю. Там, на золотом песке мы периодически отдыхали небольшими группками посвященных. Второй вел в хвойный лес, где, по словам Сони, прогуливались гномы – не те, свирепые создания, от которых мне приходилось убегать в прошлый раз, а вполне мирные рудокопы, почти мультяшные. Этот мир создал ребенок, который так никогда и не вырос. Третий портал вел в горы, а четвертый открывал путь в заснеженную равнину. Не знаю, для чего Соне был нужен этот вечно холодный неуютный мирок, но однажды именно там она хранила труп погибшего в экспедиции туриста до тех пор, пока его не забрали родственники.

– Я тут, – слышался голос Сони, а через секунду я увидел ее, спускающуюся со ступенек крыльца. – Мясо почти готово. Это мне? – кивнула она, указывая на розу в моей руке.

– Тебе, – ответил я и протянул ей цветок. Соня развернула бумагу и улынулась.

– Здорово, – восхитилась она. – Покажешь место, где их выращивают?

– Покажу. Но это не для туристов. Мирок почти заброшен. Сколько раз я там бывал, никогда не видел ни одного человека. Пусть так и будет. Не хотелось бы, чтобы его испоганили.

– Не бойся, я никого туда не поведу. Если я правильно поняла, ты там только отдыхаешь?

Я кивнул.

– Там ничего особенного нет. Цветы, леса, луга. Никаких построек, кроме садовых беседок. Там даже переночевать особенно негде, разве что в искусственных гротах. Идиллия.

– Ну да, – романтически протянула Соня, – птички, травка и забавные зверушки. У каждого из нас есть пара таких миров, где царит спокойствие. А как он называется?

– Идиллия, – повторил я и пояснил. – Так он и называется. Мир-мечта для ботаников, где никогда не увядают цветы.

– Почти Эдем, – констатировала Соня. Я покачал головой. На Эдем это не походило.

Эдем был мечтой любого скользящего. Точнее сказать Эдем-362. Императоры по скудности фантазии часто называли свои миры такими именами и большинство из них ничего особенного не представляли. В них было все – райское изобилие, пресловутый змей на яблоне (только в паре миров более продвинутые императоры сажали змеюку на прототип инжира). В паре Эдемов ходить можно было только нагишом. Еще несколько представляли собой своеобразные бордели, где можно было все. И верхом неприличия в таких мирах было не вкусить запретного плода. Отбиваться от похотливых самцов и самок там приходилось чуть ли не кулаками. Я таких миров не любил, а вот Соня регулярно отправляла туда экскурсии, из которых далеко не все спешили вернуться.

Эдем-362 был другим миром. Миром, где исполнялись все желания. Мечта для любого человека, не говоря уже о скользящем. Однако он просуществовал всего несколько дней, а потом закрылся. Не исчез, а именно закрылся от скользящих. Причин тому никто не знал, однако немногие счастливицы, сумевшие там побывать, приобрели невероятные способности. Ни я, ни Соня, ни даже Борегар в Эдеме-362 не были. А пара знакомых скользящих, побывавших там, недавно исчезли в мирах и до сих пор не вернулись.

Соня потянула носом и спросила:

– Пойдем в дом или будем есть на свежем воздухе?

– Я бы предпочел дом, – произнес я. – С меня уже довольно свежего воздуха, еды на полу или холодных камнях и комаров на закуску. Хочу комфорта: мягких кресел, хрустальных бокалов и столовых приборов.

– Где пребывал? – осведомилась Соня, беря меня под руку.

– В очередном Средиземье, – объяснил я. – Искал топор Двалина.

– Нашел?

– Нашел. Но мне его сломали по дороге. Не так много я за него получил.

Стол Соня накрыла в гостиной, памятуя о моем желании отдохнуть в комфорте. Мою розу она водрузила в узкую вазочку в самый центр стола. Мясо пленительно благоухало. Я почувствовал зверский голод, но желание рвать мясо зубами я себе подавил как истинный джентльмен. А что поделать? Привычка обедать у кострищ, где мясо жарится на самодельном вертеле, въелась мне под кожу. Соня смотрела на меня с плохо скрываемой усмешкой. Ей мои мучения были вполне понятны.

– Мяса много, так что особенно не торопись, – предупредила она иронично. – Кстати, у меня есть заказчик на твое Средиземье. Очень уж он хочет побиться на стороне сил добра против Мордора. Правда, орудовать мечом он не умеет совершенно, луком тоже. Никчемный из него будет воин.

– Угу, – невнятно пробурчал я по причине набитого рта. – Первый же гном изрубит его в капусту. А почему на мое? У тебя на Средиземье нет выходов?

– Моя фантазия как-то плохо работает на ирреальные миры. Мне это нужно увидеть самой, чтобы понять и потянуть на себя ниточку. А я это понимаю с трудом. Поэтому все мои миры они очень уж...

– Современны? – подсказал я.

– Вроде того. Слишком уж они отвечают моему внутреннему состоянию.

Мы ненадолго замолчали, набивая желудки приятно хрустевшим мясом. Мне почему-то вспомнилось последнее Средиземье. Какая-то безрадостная атмосфера царила в этом мире. Казалось бы, Мордор остался без своего повелителя. Жители страны должны были зажить долго и счастливо, однако этого как раз не происходило. В воздухе витала какая-то угроза, исходившая не от темной башни со всевидящим оком Повелителя тьмы. Жители были встревожены, много говорили о конце света, уповали на спасительное Братство кольца, Гендальфа, Фродо, Арагорна. Однако, судя по слухам, те ничего не могли поделать с надвигающейся на мир паникой. Где уж тут уместиться Соне с присущей ей прагматикой.

– Как ты думаешь, что от нас нужно Бо? – спросил я Соню. – Ты говорила, что у тебя есть какие то мысли на это счет.

– Не знаю, – задумчиво произнесла Соня. – Вертится у меня в голове какой-то клубок непонятный, вот только ухватить его я за ниточку и размотать не могу. Для того и позвала. Пораскинем мозгами, может быть, вдвоем придумаем что-нибудь.

– А подождать, пока он не расскажет сам не проще?

– Проще. Но кто сказал, что лучше. Я не доверяю Борегару. Никогда не доверяла и никогда его не любила. Кто знает, каких козырей он прячет в рукаве? Не думаю, что если ему представится возможность надуть нас, он не воспользуется ею.

Я кивнул. Подобный исход был вполне в духе Борегара. Мы будем таскать каштаны из огня для него, а он махом сгребет все и оставит нас с носом. И мы даже не узнаем, на кого он работал.

– Зачем ему понадобились скользящие? – размышляла вслух Соня. – Я уже думала об этом и мне кажется, что суть лежит в мирах, до которых Борегар не в состоянии дотянуться, ну прямо как я до миров Средиземья. Ему что-то нужно там, куда мы можем попасть, а он нет.

– Сомнительно, – покачал головой я. – Когда я спросил его, кто в команде, он ясно дал понять, что собирает всех, кого возможно. Для похода в недоступный мир он предпочел бы действовать более осмотрительно, не устраивая сборищ на Перекрестке. Здесь явно что-то не то.

– А если у него просто нет времени? – не сдавалась Соня. – Например, срочный заказ, который он никак не может упустить? От Императора какого-нибудь могущественного мира, к примеру.

– Тоже сомнительно. Информация подобного рода, доступная для всех скользящих станет для Бо очень опасной. Кто-нибудь сможет узнать, от кого исходит этот заказ и тогда любой из нас перехватит этот заказ, если Император не привязан к Бо слишком сильно. Слишком много миров, готовых пустить к себе скользящего, слишком мало мест, открытых для кого-то одного. Вроде Эдема...

Соня посмотрела на меня мутным взглядом и вскочила с места.

– Неужели он получил заказ из Эдема?

Признаться, мне, когда я разглагольствовал о Борегаре и его возможном заказе, мысль об Эдеме в голову не пришла. Я остановился на полужае и глубоко задумался.

– Блин...

Мысль о том, что Борегар станет единственным представителем скользящих, получившим неограниченные возможности из самого желанного для нас мира, заставила нас приуныть. Я машинально наполнил наши бокалы винцом приятного вишневого цвета и отхлебнул.

– Давай не заикливаться на этой возможности, – мрачно произнесла Соня. – Еще не факт, что он был в Эдеме.

– Не факт, – эхом повторил я, – но вот увидишь, именно так и будет. Этому мерзавцу всегда везло на хорошие миры.

– Ну, положим, не только везло, – возразила Соня. – О двух хороших мирах я ему выболтала сама и потеряла пару-тройку клиентов. К счастью, Бо не умеет перетаскивать в миры живые существа, так что монополия на этот счет по-прежнему у меня. От контрабанды я почти отказалась, так что пусть он подавится.

– Я тоже ему рассказал о нескольких мирах, – вздохнул я. – И он сразу этим воспользовался. Умеет, сволочь, втереться в доверие...

– Ну, и кто же нам виноват? – горько усмехнулась Соня. – Скользящий скользящему – волк.

– Утешает только то, что тогда я был наивным неопытным юношей, – фыркнул я.

– То еще утешение, – пожалала плечами Соня. – Теперь обойти Бо в этих мирах будет тяжело. Ты пытался?

– Пытался. Два раза даже получилось. Но с огромными затратами и кучей проблем.

Соня вздохнула, меланхолично качнула вином в бокале и поставила хрустальный сосуд на стол. Издав еще один душераздирающий вздох, она ткнула вилок в кусочек мяса и отправила его в рот.

– Хорошо, – подытожил я. – Предположим, что Борегар побывал не в Эдеме. Что ему нужно от нас?

– Информация, – пожалала плечами Соня. – Он вполне может искать нечто в мирах, в которых никогда не был, а мы бывали.

– Либо какой-то нужный ему предмет из этих миров, – дополнил я.

– Либо какого-то человека из этих миров, – добавила Соня. – Гения, способного создать что-то невероятное. Он вполне мог услышать что-то о нем. Тогда объясняется, почему ему нужна я.

– А зачем ему нужны все остальные? – не сдавался я. – К примеру, я? Я вести людей за собой не могу.

– Ты можешь выносить предметы, причем столько, сколько поднимешь, – возразила Соня. – Вспомни, сколько из нас этого лишены.

Я кивнул. Среди скользящих были такие, кого мы называли призраками. Они могли пересекать границы миров лишь тенью, невидимой для окружающих и сами оставались только наблюдателями, не имея возможности ничего взять, чтобы как-то заработать. Толку от этого таланта было немного. Многие из призраков просто сходили с ума, не имея возможности доказать другим и себе в первую очередь, что они действительно перемещаются во времени и пространстве. Впрочем, некоторые из них вполне успешно находили применение своему дару. Я знал двоих, которые работали на внутреннюю разведку стран.

– Если предмет достаточно велик, ему потребуется помощь нескольких скользящих, – озвучила Соня мои мысли вслух.

– А призраки пригодятся, чтобы найти этот предмет, – заметил я, подняв к небу указательный палец. Соня одобрительно посмотрела на меня и протянула ко мне бокал. Мы чокнулись вполне довольные собой.

– Это даже не обязательно Эдем, – заметила Соня повеселевшим голосом. – Мало ли где могут быть эти предметы, люди или просто информация.

– Хорошо, – кивнул я. – Есть еще варианты?

Соня задумалась. Я тоже.

– Не на войну же он нас ведет? – с сомнением протянул я. – Ты пойдешь на войну за правое дело?

Соня отрицательно покачала головой.

– Есть масса миров, которые я полюбила, но чтобы идти за них воевать? Я не настолько патриотична. Своя рубашка ближе к телу. А ты?

– Не знаю. Смотря какое это будет дело. Мне очень близка твоя политика невмешательства. И потом, мы просто не имеем на это права. Представляешь, как армия скользящих, вооруженная разрывными снарядами, влезает в мир, где обитают первобытные люди? У скольких из них останется шанс выжить? Добавь сюда наши особые способности. Я видел тебя в бою, ты опасная женщина.

Соня довольно улыбнулась. Многие из скользящих, становясь на скользкую дорожку перемещений, рано или поздно обзаводятся скрытым арсеналом оружия, изучают боевые искусства в разных мирах, приобретают себе телохранителей самых причудливых форм. У Борегара в виде телохранителей пара псов, сильно смахивающих на крупных доберманов. Псы следуют за ним из мира в мир, всегда готовы к атаке и практически неуязвимы. Соня на телохранителей полагаться не стала, а может, не смогла. Зато она буквально из воздуха достает целую кучу колющих-режущих предметов, от сабли, до крутящихся на длинной палке ножей самого устрашающего вида. Этот режущий винт в бою распарывает противника в мелкие лоскуты. Как-то мне пришлось увидеть этот бой...

У меня способности были попроще. В одном из миров я выпросил у Императора подарок. В нужную минуту острые как бритва когти, длиной почти с палец, вырастают на моих пальцах и так же легко прячутся обратно. Действие это крайне неприятное для моего организма, но все-таки довольно терпимое. В кулачном бою против меня лучше не становиться. Именно мне Борегар обязан длинному шраму на подбородке. После этого случая у него появились собаки...

– Что еще он может предложить нам? – спросил я. Соня пожала плечами.

– Не знаю. Голова совсем пустая. Все, с чем нам приходится иметь дело, Борегар может достать и без нас.

Мы замолчали, а потом Соня неуверенно произнесла:

– Мне кажется, нам нужно заключить соглашение. Если Борегар попытается нас обмануть, мы объединим усилия против него.

– Разумно, – согласился я. – И тогда, переиграв его, мы честно разделим призовые поровну, если такая возможность представится.

– Очень оптимистично, – фыркнула Соня и протянула руку. – Я согласна.

Мы обменялись рукопожатиями. День близился к вечеру. Нам предстояла встреча с неизвестной задачей, но мы не особенно переживали. Видимо потому, что сами не представляли, с чем нам придется столкнуться. А возможный обман Борегара нас и вовсе не беспокоил. Теперь нас было двое.

* * *

Не люблю я Перекрестка. Впрочем, мало кто из скользящих испытывает к этому непонятному куску мироздания с приязнью. Именно здесь ощущаешь себя бесполезной букашкой, созданной на потеху великим.

Перекресток – странный мир. Даже не мир, и даже не его осколок. Большой участок относительно ровной поверхности, висящей в пустоте. Как-то в экспериментальных целях один из скользящих (кажется Безумный Эрик) подошел к краю Перекрестка и сиганул вниз. Больше его никто и никогда не видел.

Перекресток – мир парадоксальный. Здесь не действуют ничьи законы. Это место для собраний Императоров и оно было таким всегда. Всегда сюда из всех концов галактики слетались (см. сбегались, съезжались) Императоры разных миров. Здесь, несмотря на их кажущуюся незащищенность, они были так же неуязвимы. И они это знали, но все равно побаивались. Поэтому прибывали в Перекресток всегда в окружении мрачных телохранителей и, окруженные ими, диктовали скользким свои условия в обмен на великие блага. Теоретически сход Императоров проходил каждую неделю, практически же далеко не все являлись сюда. Разве что те, кто по собственному скудоумию не мог построить собственный мир и предпочитал красть идеи у других. Скользящие именно здесь получали большую часть своих контрактов, надеясь не только на щедрое вознаграждение, но и на определенные данные, которыми их мог наградить Император. Впрочем, Императорам законы писаны не были. Внутри своего мира они могли делать все, что хотели. Поэтому часто скользкие, выполнив свою часть обязательств, оставались с носом. Делиться властью Императоры почему-то не желали. Меня, к примеру, обманывали четыре раза. Соне везло больше.

Из предосторожности, мы явились в Перекресток порознь, каждый своим путем. К моему удивлению, народу было невероятно много. Я украдкой огляделся по сторонам. Скользящие с застывшими лицами что-то обсуждали вполголоса, замолкая, когда я приближался к той или иной группке. Я понял, что они точно так же не в курсе, что происходит, но на что-то надеются.

Императоры как обычно находились поодаль от группок скользких. Каждый прибывал в Перекресток в свойственной ему манере. Первым мне бросился одиноко стоящий золотой трон Императора мира Ацилута – Суонга Ми. Мужчина средних лет в пошлой красной парче и золотой короне, сдвинутой на одно ухо, мрачно смотрел на толпу скользких. На секунду наши взгляды встретились, и он презрительно оттопырил нижнюю губу. Я отвернулся. Именно Суонг Ми первым обманул меня, когда я выполнял для него весьма неприятный контракт по шпионажу. Суонга окружали многочисленные слуги, два пажа обмахивали своего господина опахалами из павлиньих перьев. Полуобнаженные девушки смотрели на своего повелителя с плохо скрываемой скукой. Одна даже тихо зевнула. Зевок был с закрытым ртом, но, тем не менее, заметный. К Суонгу Ми подходили редко. Он преимущественно обманывал и своих обещаний не сдерживал. А слухи в нашей среде распространялись быстро.

Император Асия Майкл Кейн, напротив, пользовался среди скользких большой популярностью. Этот бывший американец входил в десятку самых щедрых Императоров миров, но, к сожалению, предпочитал работать только с определенными людьми, в число которых я не входил. Впрочем, злорадно припомнил я, Борегар тоже. Кейн сидел в простом креслице и всегда прибывал в Перекресток один.

Окруженная толпой из своих телохранителей на желтом ковре по-китайски сидела Императрица Вивиан. Имя, насколько мне было известно, было таким же фальшивым, как волосы, фигура, зубы и цвета глаз Императрицы. Вивиан была глуповата. Просто удивительно, что она смогла довести свой мир до ума. Впрочем, в ее мире Бриа в основном преобладали какие-то товарно-рыночные отношения. Даже спектакли в театрах Бриа были посвящены жадности. Впрочем, платила Вивиан неплохо, вот только с особыми дарами в ее мире было туговато.

Отдельно стоящих Императоров, среди которых было всего две женщины и (на мое удивление) один ребенок лет десяти, я не знал. Они что-то обсуждали, причем ребенок принимал в беседе наиболее оживленное участие, а взрослые его внимательно слушали и согласно кивали. Подойти к ним не представлялось возможности из-за двойного оцепления целой армии наемников. Один из них преградил мне дорогу алебардой, и я убрался восвояси. В толпе мелькнула фигура Сони, ожесточено пробирающуюся в первые ряды. Она заметила меня и чуть заметно кивнула, а потом махнула подбородком в сторону. Я понял ее и отошел вместе с ней подальше от любопытных ушей.

– Видела Бо? – спросил я.

– Видела. Он долго торчал в той группке Императоров, которые вот-вот подерутся, – Соня махнула рукой в сторону ожесточено споривших людей.

– Это где какой-то шкет командует? – осведомился я.

– Он не шкет. Ему уже лет пятьдесят, если не больше. Он создатель самых прекрасных детских миров, что я когда либо видела. Именно к нему уходят дети со всей земли, когда получают такую возможность. Он выглядит ребенком, но он отнюдь не ребенок. Просто он не хочет взростеть.

Я кивнул. Продолжать обсуждение не хотелось, тем более, что группка Императоров, обсуждавшая какие-то темы, вдруг синхронно двинулась к одиноку стоявшему постаменту. Туда же двинулся неизвестно откуда взявшийся Борегар. За ним молчаливыми тенями скользили два огромных пса.

– Друзья мои, – писклявым дискантом начал Император детской наружности, – Мы собрались здесь по весьма неприятному поводу.

Шум в толпе стих. Все подобралось поближе, хотя голос было прекрасно слышно в любом уголке Перекрестка. Соня встала рядом и сжала меня за руку. Ее ладонь была холодна, как лед.

– Все мы прекрасно жили до сего момента, – продолжил ребенок. – Мы создавали свои миры с приемлемыми для нас законами мироздания. И пускали в них всех, кто отвечал нашим требованиям. Миры и их создания подчинялись Императорам. По нашему желанию мы создавали и уничтожали города и страны, материки и острова. Миры эволюционировали под нашим взором. В своих владениях мы были всесильны. Но теперь ситуация изменилась.

Толпа скользких всколыхнулась и настороженно повела ушами. Самое интересное было впереди. Ребенок замолчал и сделал шаг назад. На его место вышла красивая женщина с длинными светло-голубыми волосами.

– Я Императрица Ивон. Мой мир назывался Элегант. Я создавала его на протяжении семи столетий. В нем все было прекрасно. Пока не пришло это существо...

Ивон задохнулась, на ее глазах выступили слезы.

– Мой мир почти разрушен. Я не понимаю, что происходит. Какая-то сила извне, не подчиняющаяся моим повелениям, за несколько дней разрушила все. Все мои попытки сопротивляться потерпели крах. В настоящее время мне осталось только несколько крохотных островов и императорский дворец. Мой мир обезлюдел. Моя растительность погибает. Я почти ничего не могу создавать и чувствую себя так, как будто кто-то пьет из меня кровь. На каждое сотворенное мною действие идет разрушительная волна противодействия в десятки раз превышающая мою силу. Я вынуждена прекратить сопротивляться, чтобы сохранить остатки своего мира...

Ивон замолчала и опустила голову. Сделав шаг назад, она скрылась за спиной высокого мужчины с внешностью эльфа. Лицо его показалось мне знакомым, но вспомнить, где я его видел, я так и не смог.

– Я Император Элроуд, повелитель Серого Средиземья. Мне почти нечего добавить к вышесказанному. Мой мир был разрушен за несколько дней до того, как погиб Элегант. Все было точно так же. Сперва законы моего мира отказывались мне подчиняться, потом на каждую мою попытку исправить разрушающие Средиземье темные чары шла неукротимая волна еще больших разрушений. Вся разница между моим погибшим миром и Элегантом, что я не сделал выводов из происходящего, пока не стало слишком поздно. Я не сумел вовремя остановиться, чтобы сохранить хотя бы жалкие остатки того, что имею, как это сделала Императрица Ивон. Моего мира больше не существует.

Оттеснив в сторону Элроуда, вперед вышел грузный мужчина, которого я с трудом бы принял за Императора. И, как выяснилось, я не ошибся.

– Я Роберт, скользящий. Несколько лет назад я попал в прекрасный мир под названием Орион...

Мужчина поперхнулся, судорожно сглотнул и продолжил после короткой паузы.

– Я встретил там женщину. Императрицу Анну... Мы были счастливы вместе, пока не пришло оно...

Толпа внимала, уже зная ответ. Скользящий, выступающий от имени Императора вряд ли будет говорить по пустякам.

– Анна погибла, спасая наш мир. Мои дети мертвы. Я уцелел один. К сожалению, мои дети не унаследовали мои способности скользящего. Моих сил не хватило, чтобы увести с собой хоть одного члена моей семьи... Лучше бы я умер вместе с ними...

– Оказывается, Императоры не всемогущи даже в своих мирах, – пробормотала Соня. – Они погибают, когда умирает их мир.

Для меня это тоже было дикостью. И то, что Император может погибнуть насильственной (скорее всего насильственной) смертью, и то, что сторонняя сила может вмешаться в передел их территорий. Для нас правила игры были всегда одинаковы. Никто прежде не слышал о том, чтобы мир вот так странно гибнул.

Соня сказала эту сакраментальную фразу в пространство, однако сделала это недостаточно тихо. Стоящий перед ней паренек лет шестнадцати на вид, низкорослый и шупленький, обернулся и впился в Соню заинтересованным взглядом. Я посмотрел на него. Прежде мы никогда не встречались. Вряд ли он стал скользящим давно, уж очень юным был его возраст. Я невольно вспомнил себя в его возрасте. Тогда я уже ходил в пару миров, потянув на себя их цепкие щупальца. Но это были всего лишь обзорные экскурсии, я и понятие не имел ни о других скользящих, ни об Императорах, ни о Перекрестке с его незыблемыми законами. А вот он уже знает обо всем. И здесь явно не впервые.

Я поднял глаза и перехватил колючий взгляд Борегара. Он смотрел на меня с брезгливой миной, никоим образом мной не заслуженной. Впрочем, я никогда другой гримасы и не удостаивался. Исключением стали две наши встречи. Первая, когда он, прикинувшись овцой, выведал у меня пути к паре миров (тогда он просто излучал благодушный и простоту). Вторая, когда я впал в буйство, получив отказ Императора расплатиться со мной. Именно после той встречи, когда мои когти оставили Борегару этот рваный шрам, на его лице всего на пару мгновений возник страх.

Борегар шагнул вперед, оттеснив рыдающего толстяка. Мы подобрались. Все, что мы слышали до сих пор – цветочки. Ягодки начнутся сейчас, это мы с Соней поняли сразу, переглянувшись с одинаковым выражением лиц.

– Подобные явления происходили как минимум в тридцати мирах, – начал Борегар невозмутимым голосом. – В девяти Императоры гибнут. В других практически полностью были лишены своей силы. В двух мирах спастись удалось только Императорам, благодаря помощи скользящих...

Соня округлила глаза и завертела головой. Ей явно хотелось улизнуть от своего конкурента.

– Когда нам стало известно о происходящем, – столь же бесстрастно продолжил Борегар, – мы стали проводить расследование. Привлекали лучших специалистов разных миров. К сожалению, нам особо нечем было оперировать. Но впоследствии мы выяснили одну деталь.

Ряды скользящих сдвинулись. Мы подошли ближе. То, что должен был сказать Борегар, наверняка было очень важным.

– Мы имеем дело не с чем-то стихийным, – громогласно объявил Борегар. – То, что вторгается в наши миры – живой организм, стопроцентно разумный, тонко чувствующий наши слабые места. На него не действуют никакие известные нам методы. То, что называется магией Императоров для него пустой звук. Более того, как вы уже поняли, на каждое действие от

неизвестного Император получает зеркальное противодействие. А вам хорошо известно, что отражающая, то бишь, зеркальная магия, увеличивает силу удара ровно в два раза.

– Если я правильно понял, – вмешался я, – существо умеет пользоваться зеркальной магией?

– Да, – бесстрастно подтвердил Борегар.

– Но она не действует повсеместно, – возразил я. – Есть ряд миров, где магия вообще не действует. То есть, эти миры защищены от вмешательства этого...

– Мы называем его Попрыгун, – вмешался Борегар.

– ...этого Попрыгуна?

– Нет, – отрицательно покачал головой Борегар. – Среди погибших миров было двенадцать техногенных, с развитой инженерией, в которых не действовала магия. И, тем не менее, они были уничтожены.

– Каким образом? – спросил стоявший перед нами худенький паренек.

– Там это принимало различные формы. Удар метеорита, цунами, наводнения... В одном из миров взорвалось солнце, планету сорвало с орбиты... В одном из миров случилось массовое таяние ледников, города просто утонули, причем все это случилось в считанные часы. Выживших считанные единицы. Но и они обречены.

– Позвольте высказать одну крамольную мысль, – вмешалась в разговор седая старушка самого безобидного облика. Казалось, она сейчас достанет вязание и спицы, мирно усядется в уголок и будет тихо рассказывать сказки.

– Пожалуйста, – любезно кивнул Борегар.

– Магия отражения – штука сложная, доступная не каждому. А если говорить точнее – ею пользуются лишь императоры, да и то не все. Так не за взбесившимся Императором ли вы предлагаете нам отправиться?

– Разве я сказал, что мы куда-то отправляемся? – высокомерно поднял брови Борегар.

– Ой, да бросьте, – отмахнулась старушка. – И без того ясно, что вы нам предложите.

Борегар нервно дернул плечом.

– Нам всем пришла в голову такая мысль, – милостиво ответил он. – Однако это невозможно. Во-первых, взбесившийся Император не в силах контролировать ситуацию ни в чьем другом мире, кроме своего. Во-вторых, ни один Император не может путешествовать между мирами свободно. Единственное место, куда он может прибыть без усилий вне своего мира – это Перекресток. В-третьих, в Перекрестке есть своеобразная ... гм... перепись Императоров. Мы можем узнать, сколько миров сейчас существует, сколько Императоров находятся в добром здравии, а сколько неожиданно погибло. Это скучная статистика, поверьте мне, но она точно указывает, что все Императоры, даже не бывавшие прежде в Перекрестке, находятся там, где им и положено быть.

– Включая Императора Эдема? – нервно спросила старушка.

– Включая Императора Эдема. Он находится у себя дома, прибыть сюда не пожелал. Да и вообще он игнорирует наши предложения уже много лет. Но, тем не менее, он на месте. Из этого следует вывод, что Попрыгун – это не Император какого-либо мира.

– Но путешествовать между мирами можно при помощи скользящего, – влезла в разговор Соня. Стоящие вокруг согласно закивали, недобро косясь на нее. – Я знаю, что таких умельцев немного, но не допускаете ли вы мысль, что Попрыгуна ведет за собой скользящий?

– Об этом мы тоже думали, – важно протянул Борегар. – Но и эта теория потерпела фиаско. Учета скользящих, как вы понимаете, нет. Мы не можем выяснить, где находится тот или иной из нас. И чисто теоретически это было бы возможно, если бы не особые свойства императоров.

– Когда Попрыгун вторгнулся в наш мир, – твердо произнесла Ивон, – мы все чувствовали появление чужака. Так мы чувствуем любое инородное тело, будь то летящий на нас метеор

или прибывший скользкий. Мы всегда знаем, когда к нам прибывает гость, просто не каждый раз отвлекаемся на него.

Признаться, подобное было для нас откровением. Выходит, все то время, которое мы тратили на поиски Императора, они запросто могли выйти на связь с нами? Я перехватил недовольный взгляд Сони. Стоявший передо мной худенький паренек скривился и пробормотал что-то нелицеприятное. Ивон вдруг слабо улыбнулась.

– Я знаю, что это вам не по нутру. Но, поверьте нам, у каждого из нас свои секреты, которыми мы не готовы делиться с другими императорами. Каждый из нас строит свой мир сам. Это уже политика, а не игрушка. Правила придуманы не нами, и мы должны их соблюдать. И потом, мы ведь развиваемся. Встречаясь тут, мы не раз всерьез обсуждали взаимовыгодное сотрудничество. Правда, все это могло осуществиться лишь теоретически. Ведь выхода в другие миры у нас нет, там мы становимся простыми смертными. А этого никому не хочется. Но мы думали над тем, как развить наши внешние отношения. Над этим думаю наши ученые. Мы считали это фантастикой, но... – Ивон вытерла слезинку, – но прежде мы считали так же невозможным и внешнее уничтожение наших миров. А это вдруг осуществилось...

Ивон отошла и спряталась за широкой спиной Борегара. Он выглядел решительным, но почему-то в глазах плескалось смятение и что-то прежде мне незнакомое, похожее на страх. И, тем не менее, когда он заговорил, его голос звучал твердо, а весь внешний облик был внушительным.

– То, о чем сейчас нас хотя попросить Императоры – разведка. Мы должны выяснить, с чем имеем дело. Возможно, существо, уничтожающее миры, все же не сверхъестественный божок, а вполне плотское создание, которое можно уничтожить. Но пока мы должны его хотя бы просто найти. Императоры, прибывшие сюда, гарантируют любому скользкому, участвовавшему в операции, любые блага, которые он от них попросит.

– Почему бы не предоставить их авансом? – спросил темнокожий гигант позади меня. – Ведь неизвестно, с чем мы будем иметь дело. Кое-какие способности нам быгодились.

– Нет, – решительно отверг притязания темнокожего скользкого Император-карапуз. – Потому что нет никакой гарантии, что скользкий не удерет вместе с полученными возможностями в другой мир, который ничего не знает о соглашении. Мы составили документ, как говорится, юридически точный, подписанный всеми присутствующими здесь Императорами. В случае успеха операции вы получите все, что пожелаете. В противном случае останетесь при своем.

После этих слов толпа скользких пришла в волнение. Мы с Соней тихо вздохнули. Да, было бы неплохо получить кое-какие способности заранее, но Императоры всегда были скупы на дары, позволявшие нам приблизиться к небожителям.

– Поиски Попрыгуна могут быть опасными, – перекрывая шум толпы выкрикнул карапуз, наделенный большими возможностями, – но и награда будет соответствующей...

Лучше бы он этого не говорил. Соня ткнула меня локтем в бок и махнула головой назад, мол, оглянись. Я так и поступил, увидев как один за одним испаряются скользкие. Ряды заметно поредели. Авантюры авантюрами, но рисковать жизнью неизвестно за что никому не хотелось. Борегар тоже это заметил и презрительно ухмыльнулся.

– Нам нужно сформировать команду, – начал Борегар, – а лучше несколько, но это в идеале. Пока я вижу массу сложностей с тем, как это сделать. Нам нужны скользкие, не ограниченные посещением только одного-двух миров...

Толпа кивнула и еще сильнее поредела.

– Подождите, – воскликнул Борегар вдогонку уходящим прочь, – даже если вы не принимаете участия в поисках Попрыгуна, вы можете узнать что-то, либо наткнуться на него случайно. И тогда вы немедленно должны прибыть в Перекресток и сообщить об этом смотрящему. Он будет всегда здесь...

Наличие в Перекрестке смотрящего для нас было новостью, правда, в свете последних событий уже не ошеломляющей. Кто бы мог подумать? Лично я считал Перекресток необитаемым. Хотя... Кто-то же ведет эту так называемую статистику...

– Мы прекрасно понимаем, что наше предложение не всем подойдет, – мягко сказал Император-ребенок, – и поэтому никого не неволим. Вы можете закончить свои дела и прибыть сюда через два дня, если считаете, что подобная миссия для вас возможна. Если нет – нам будет очень жаль, но мы постараемся обойтись без вас.

– Иными словами, те, кто не участвует, не рассчитывайте на блага от нас, – пробурчала Соня себе под нос. – Дешевый шантаж.

– Если учесть, что они и так не слишком готовы одарить чем-то, кроме золота-серебра, большинству скользящих это никакого ущерба не принесет, – вполголоса добавил я. Молодой парень передо мной с любопытством обернулся и одобрительно хмыкнул.

Мы подождали еще, но больше ни императоры, ни Борегар ничего интересного не сказали. Более того, Борегар высокомерно откланялся и испарился вместе со своими собаками. Мы с Соней синхронно пожали плечами.

– Обсудим? – предложила она.

– Только не здесь. Давай к тебе, тем более, что у тебя там порталы в осколочные миры. Там и обсудим.

Соня кивнула, взяла меня за руку, зажмурилась, и сделала шаг вперед. Увлекаемый ею, я пулей вылетел сквозь свернутое пространство, ощутив легкую тошноту и головокружение. Уши мгновенно заложило, я раскрыл рот и часто задышал. Все-таки когда ты продельваешь это самостоятельно, ощущения не в пример приятнее. Лично у меня переход из одного мира в другой никаких болезненных ощущений не вызывает.

Оказавшись на месте, я понял, почему переход был столь болезненным. Соня скакнула через два мира сразу, появившись под руку со мной на пустынном золотом пляже, который простирался до самого горизонта. Она не стала тратить время на то, чтобы перевести дух у себя дома хотя бы пару минут и сразу же шагнула в открытый портал, увлекая меня за собой. Я позабывал: делать подобные фокусы я не научился, да и вряд ли бы мне это было по силам. Соня, выпустив мою руку, сразу же принялась раздеваться и швырять одежду на песок. Выскользнув из тяжелой куртки и брюк, она осталась в весьма соблазнительных трусиках. Что до лифчика, то их Соня принципиально не носила. Она припустилась к воде со всех ног и, вбежав в воду почти по пояс, нырнула. Я, разбросав одежду как попало, последовал за ней. После душевной и затхлой атмосферы Перекрестка горячий песок и золотое солнце как нельзя кстати лечат душу и тело.

Море было теплым и... мертвым. Сколько раз я здесь не был, ни разу не находил тут ни морских звезд, ни крабов, никогда не видел рыбы. Над нами никогда не летали птицы, не жужжали насекомые. Может быть, именно поэтому в этом кажущемся рае мы никогда не проводили слишком много времени. Он был неживым и напоминал пластиковую колбу с понатыканными пальмами, травами, а солнце горело как вечная лампочка, яркая и безжизненная. Бултыхаясь на волнах, как медуза, я вдруг подумал: а бывает ли здесь ночь?

Внезапно этот идиллический мирок показался мне отвратительным. Впервые в жизни я понял, как ужасны осколочные миры, с застывшим временем, застывшей жизнью... Миры, где никогда не садиться мертвое солнце, солнце, которое погасло уже много тысячелетий назад, но мы об этом не узнаем при нашей жизни. Здесь всегда идеально-теплое море, песок не ранит вас осколками скал, но, тем не менее, вы ощущаете, что отсюда ушло, что-то важное, что-то живое. И тогда море, ласково качающее вас на своих волнах, становится опасным, как маслянистая мазутная лужа, песок – всего лишь пепел сгоревших трупов, а пряный воздух насыщен смертельной радиацией.

Я рывками погреб к берегу, где уже отдыхала на песке Соня. Она лежала на животе, подставляя солнцу узкую спину, на которой еще не промокли соленые капли. Я бухнулся рядом.

– Здесь бывает ночь? – спросил я. Соня подняла голову и посмотрела на меня, прищурившись, как кошка.

– Что?

– Ночь здесь бывает?

Соня пожала плечами.

– Честно говоря, никогда об этом не задумывалась. Меня, как раз, устраивает то, что здесь всегда день, хорошая погода, теплое море и полное безлюдье. А что?

– Ничего, – буркнул я и тоже лег на живот, положив голову на скрещенные руки.

– Ты какой-то странный, – пожаловалась Соня. – Думаешь о предложении Борегара?

– Да, – солгал я. – Все не идет оно у меня из головы. Мне кажется, что он темнит.

– Борегар всегда темнит, – равнодушно сказала Соня. – Теперь, когда мы представляем, с чем имеем дело, ничто не мешает нам самим попытаться счастья в обход Борегара. Если Попрыгун засветится в известных нам мирах, мы попробуем его вычислить.

– Как ты думаешь, что он из себя представляет?

– Понятия не имею, – серьезно сказала Соня, приподнимаясь, отчего ее великолепная грудь, припорошенная песком, вызывающе предстала передо мной. Я смущенно отвел глаза. – Я уже думала об этом. Я лично уверена, что это не одно существо, а два. Никто не может путешествовать в мирах, кроме скользящего, но скользящий не наделен никакой властью, способной повлиять на целый мир. Тем более, что во многих мирах наши способности утрачиваются. Ты, к примеру, везде можешь обороняться при помощи когтей?

– Нет, – подумав, сказал я. – В Ацилуте и Бриа я бессилен и могу полагаться только на приемы самообороны, ну или на то оружие, что распространено в этих мирах.

– У меня та же самая история, – вздохнула Соня. – Я ничего не могу поделывать в том же самом Ацилуте. Может быть, где-то еще, но я стараюсь не попадать в миры, где не могу за себя постоять. А Ацилут я не люблю и редко там бываю.

– А ты не пробовала себя в Перекрестке? – неожиданно спросил я.

– Пробовала. Все действует великолепно. А у тебя?

– То же самое. Интересно, эти правила действуют на всех?

Соня нахмурилась и снова перекатилась на живот, скрыв от меня свои прелести.

– Над этим стоит подумать, – произнесла она, сдувая с рук прилипший песок. – Ацилут ведь не под угрозой, я верно поняла? Может быть, у погибших миров было что-то общее? Почему их смогли уничтожить? Потому что они не были защищены своими Императорами. А Суонг Ми помешан на безопасности. Может быть, поэтому в Ацилуте и не действуют ни наши примочки, ни агрессия извне, в частности от Попрыгуна?

– Надо поговорить об этом с пострадавшими Императорами.

– Да, это верная мысль. Меня, кстати, очень занимает, кто тот скользящий, который помогал эвакуировать людей из пострадавших миров. Потому что это явно не я, и мне про это ничего не известно. Не Борегар же, у него таких способностей нет.

– Этот скользящий по крайней мере уже знал, что происходит, – задумчиво сказал я. – Или, хотя бы предполагал. И нас не предупредил. Мы хоть и не любим друг друга, но в большинстве своем связь поддерживаем, хотя бы на уровне смс-сообщений.

– Ну, он мог кому-то и сообщить, тому же Борегару, – возразила Соня, – а Бо решил воспользоваться случаем, чтобы возвыситься над всеми. Он до сих пор лелеет надежду собрать некий профсоюз скользящих и стричь его по своему усмотрению. Поэтому Борегару известно то, что не известно нам.

– Ты думаешь, он не все нам сказал?

– Я просто уверена в этом.

– Знаешь, – вдруг спохватился я, – мне непонятна одна вещь. И это очень важно.

– Что именно? – заинтересовалась Соня.

– А каким образом мы вообще должны искать эти гибнущие миры? Ведь их тысячи, гораздо больше, чем скользящих, и далеко не все открыты для нас. Во всяком случае, ты без меня не найдешь Средиземье, я без тебя не попаду в Амазонию или Титаний. А есть миры, куда вообще не ступала нога скользящего. И вдруг в этот самый момент гибнут именно они. А как мы об этом узнаем?

– Действительно, – наморщила лоб Соня. – В контексте сказанного было бы логично не собирать нас в команду, а, напротив, разослать лазутчиками во все миры для наблюдения. А Бо явно сколачивает команду. Помнишь, он сказал, что те скользящий, чьи возможности ограничиваются одним – двумя мирами могут отдыхать в песочницах. Ему нужны те, кто может прыгать без особых ограничений. У тебя есть ограничения?

– Не знаю, – пожал плечами я. – Во всяком случае, прежде мне не приходилось совершать безрезультатных скольжений. Конечно, я не могу попасть туда, где ни разу не был, но в целом, если мне показать дорогу, я смогу вернуться в этот мир.

– У меня то же самое, – энергично кивнула Соня. – И у Борегара точно. А ведь нас таких очень немного. Знаешь, над этим нужно подумать.

– Ты хочешь согласиться?

– Знаешь, в такой ситуации мне кажется, неуместно отсиживаться, прикинувшись ветостью. Если погублены уже больше тридцати миров, неизвестно чем кончится дело. Вполне возможно, что Попрыгун доберется и до тех мест, которые мне дороги, а то и до нашей матушки Земли. Я решила попробовать. В конце концов, мне не впервой попадать в разные переделки, а уж защитить себя я сумею. И потом, никто с нас, вроде бы не требует присяги на верность? Мы свободные люди, всегда сможем уйти, если условия окажутся нам не по плечу. А ты? Будешь участвовать?

– Буду, – кивнул я. – При условии, что нас не заставят ничем клясться и присягать на верность Борегару. К тому же я не прочь получить награду. А если уж быть совсем откровенным, я бы очень хотел утереть Бо нос.

Соня поежилась и недовольно посмотрела на небо.

– Пойдем в дом, – предложила она, – пока я не подгорела со всех сторон. Знаешь, меня терзают смутные сомнения, что Борегар будет претендовать на должность нашего военачальника и знаменосца. И меня это откровенно не радует.

– Знаменосец всегда должен идти впереди, – заметил я, поднимаясь с песка и отряхивая налипшие на кожу песчинки.

– Вот поэтому и не радует, – хмуро сказала Соня, натягивая майку. – Борегар не из тех людей, что пойдет в штыковую на баррикады.

* * *

Не знаю, как другие скользящие, а лично я провел оставшиеся полтора дня в размышлениях. Предложение Борегара было странным и, если будет позволено сравнение, захватывающим. Не знаю, почему, но ни малейшей опасности я не чувствовал. Наверное, потому что нам, скользящим, ежедневно приходилось сталкиваться с самыми разными опасностями. Лично я, помимо разгневанных гномов, нажил себе массу врагов во всех Средиземьях, где когда-либо бывал. До сих пор как страшный сон я вспоминаю, как улепетывал от черных всадников Мордора. Тот ледяной ужас, охвативший меня при встрече с ними, до сих пор не дает спать по ночам. Приблизительно через год я со своей очередной пассией отправился в кинотеатр на «Властелина колец». На середине фильма я выбежал из зала, расплескивая кока-колу и разбрасывая поп-корн. И совсем не потому, что создатели картины были так убедительны. Нет, в их

глазах черные всадники были всего лишь людьми в черных балахонах. В действительности это было ужасно. Всадники Мордора были Тьмой во всех проявлениях этого слова. Человеческий разум и психика не могут воспринять тот кошмар, что несло с собой это первобытное зло.

Они были черными. Это было единственное, что удалось воспроизвести создателям фильма. Однако по сути они не были существами даже из призрачной плоти. У всадников не было четких граней. Они не мчались вдогонку за своей жертвой, они текли за ней как смешанная с ртутью нефть. И соприкасаясь с ними умирало все живое. Когда они проносились мимо, следом несло марево из угольно-черных хлопьев. Я побежал в числе последних и отнюдь не потому, что в моей груди билось храброе сердце. Я испугался так, как не боялся никогда в жизни. Ноги приросли к земле, рот застыл в немом крике. А потом, когда эта черная река приблизилась ко мне настолько, что я ощутил на лице прикосновения ледяного дыхания тьмы, я побежал, сбрасывая на ходу добычу. Мне не пришлось проводить на земле черту для перехода в мой мир. Я воспользовался береговой линией и прыгнул в свою квартиру с такой силой, что едва не разбил о стену лоб. Черная рука с дымящимся призрачным мечом летела за мной, оскаленное ненавистью смоляное лицо с черными провалами рта и глаз уже готовилось впиться вою глотку, когда я, перепуганный, захлопнул портал, как мышеловку, отсекая чудовищу путь к себе. Зияющая пасть портала разрубила всадника пополам. Голова, часть туловища и рука с зажатым мечом рухнули на пол. Полумертвый монстр даже в агонии пытался дотянуться до меня, но не сумел. Я забился в угол и, тяжело дыша, смотрел, как отслаиваются отвратительные чешуйки кожи, схожие с майскими жуками, с его горящего ненавистью лица и скрюченной в мертвой хватке руке. Черные хлопья летели вверх, не повинаясь закону притяжения, и истаявали, не достигнув потолка. Не прошло и четверти часа, как черный всадник исчез без следа, однако я просидел в углу не меньше часа.

За брошенным рюкзаком я вернулся только через два дня, даже не надеясь его обнаружить. Однако он лежал на том самом месте, где я его скинул, и ни единая душа не поинтересовалась, что там внутри. Хотя, если верить своим глазам, в окрестностях вряд ли остался хоть кто-то, способный интересоваться моей добычей. Зеленые холмы Хоббитании были отравлены черными всадниками, поля осквернены. Что творилось в норах хоббитов, я выяснять не стал, проклиная себя за трусость. Но это была не моя война. Неписанный закон Скользящего глазил: мы не имеем права вмешиваться в жизнь других миров. Правда, это правило повсеместно нарушали и скользящие, и императоры, нанимавшие нас для щекотливых дел...

Я вернулся домой, бросив в угол рюкзак, а потом пошел и напился. Это был мой второй поход в Средиземье, и второй добытый топор Двалина. Именно за него я потребовал двойную цену от Анвара. Мне было тошно и противно, словно я предал Средиземье, которое никогда не было моим, и более того, никогда мне не нравилось. После того, как Анвар заплатил мне, я снова напился, позвонил Соне, и, заливаясь горячими слезами, стонал в трубку о моей непутовой жизни. Соня примчалась сразу же, выдернула меня с пляжа Средиземного моря в душное марево российской провинции. Отхлестав меня по щекам, Соня, не церемонясь, сунула меня головой в ванну с водой, а потом долго нравоучительно вещала, что это был не мой мир, вмешиваться и вершить там свою справедливость я не имел никакого права. Я отфыркивался и мотал головой, как лошадь, а потом, вытирая голову полотенцем, коварно предложил Соне выпить. После недолгих колебаний, Соня согласилась, и я снова напился, но уже в более теплой компании. В результате, мне стало плохо. Половину ночи я провел в компании унитаза. Соня заснула на моей кровати. А утром, мрачная и взъерошенная, она, непрерывно паля сигарету за сигаретой, призналась, что в своих страданиях я не одинок.

– Думаешь, другим легче? – горько усмехнулась она. – У меня как-то был заказ на очередную войнушку. Я отправляла туда шестнадцать человек. Не выжил ни один... Я не спала неделю, ревела белугой, похудела на девять килограмм и поклялась, что больше никогда... Но

потом научилась, привыкла... И ты знаешь, в том, чтобы быть первостатейной сукой есть свои преимущества. Когда другие страдают, тебе не больно.

– И что? – зло поинтересовался я. – Нравится быть сукой?

Соня скривилась.

– А что делать? Отказаться от того, что имеешь? Ты знаешь, сколько мне было лет, когда я впервые проскользила в другой мир? Четыре года! А когда мне было девять, я попала в такое жуткое место, что не чаяла вернуться живой. Поневоле станешь сукой. Но в глубине души я не такая. Я нормальная, обычная девчонка с рядом причуд и умением скакать из мира в мир. И мне, как и всем на свете, хочется простого человеческого счастья.

Глаза Сони горели, как у кошки. Я прочитал в них понятный каждому мужчине призыв. Потом был жар скомканных влажных простыней, горячее дыхание, всхлипы и стоны, захлестываемые ожидаемым экстазом, которому не помешали ни обильное возлияние накануне, ни первое смущение, ни страх, что ничего у нас не получится.

Ничего и не получилось.

Нет, секс был бесподобным. Но после того, как страсти улеглись, я в кои то веки почувствовал себя неловко. Соня курила, сидя на постели, повернувшись ко мне спиной. Я чувствовал, что ей не хочется со мной разговаривать. Я, путаясь в джинсах, которые натянул прямо на голое тело, трусливо сбежал на кухню под предлогом приготовления кофе. Когда я вернулся в комнату с двумя чашками, Сони уже не было, и только в воздухе отчетливо витал запах озона, верный признак недавно открывшегося портала.

После этого мы виделись с Соней несколько раз, сознательно делая вид, что между нами ничего не произошло. И вот сейчас, на пляже... была ли эта сцена интимной? Не знаю. Но Соня смущала меня, смущала слишком сильно для постороннего человека, к которому я не испытывал никаких эмоций.

Предложение Борегара меня тоже тревожило, но не настолько, чтобы не ввязаться во всю эту авантюру. Если честно, никакого шанса на успех я не видел, поскольку совершенно не представлял, каким образом мы будем искать в сотнях тысяч миров неизвестно что или неизвестно кого. Ну просто «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что»! Но внутри меня уже разгоралось жаркое пламя азарта. Мне до смерти хотелось обскакать Борегара. Мои шансы на успех были ничуть не меньше, чем у него, при условии, что он не прячет туза в рукаве. А вот насчет того, что Борегар будет вести честную игру, я был совсем не уверен.

* * *

К началу сборища я едва не опоздал. Долго возился дома с собранным рюкзаком, то вынимая из него вещи, то складывая вновь. Поскольку я не имел никакого представления, что мне потребуется в моем новом путешествии, все оборудование казалось мне то необходимым, то совершенно лишним. Единственными составляющими моего багажа, которые никогда не менялись, были фонарик, баллончик с краской, мел и черный маркер.

Каждый скользящий проникает в новый мир по-своему. Мне, к примеру, требуется какая-нибудь черта на земле, необязательно ровная, но какая-нибудь определенная граница. Подойдет, что угодно: трещина в скале, береговая линия, валяющаяся на земле ветка, стык бетонной или асфальтовой плитки. Но часто возникают ситуации, когда такой линии нет. Или поверхность слишком ровная, или, к примеру, уйти в свой мир нужно из поросшей травой степи или леса, в котором, как на грех, нет ни одного поваленного ствола. Или же уходить приходится в темноте, когда разглядеть что-то на поверхности невозможно. И тогда я рисую черту чем придется: краской, маркером или мелом, подсвечивая ее фонариком по мере возможности. Фонарик, кстати, не во всех мирах работает. Вот в последнем Средиземье он функционировал нормально, а в предыдущем не включился совсем. А бывают миры, когда оборудование

меняется на что-то иное, и это мне совсем не нравится. Как-то мой фонарик превратился в свечку, а баллончик с краской – в глиняный горшок с вонючим варевом.

Соня для перехода в иные миры просто закрывает глаза, а когда открывает, то видит нужную ей картину. Есть, правда, одно условие – она не может этого делать в полной темноте. Нужен хотя бы отдаленный источник света, хотя бы луна или звезды, чтобы видеть хоть чуть-чуть.

Пара знакомых скользящих используют тени и зеркала, но это не совсем удобно, особенно зеркала, которые иной раз проблематично встретить, разве что с собой всегда таскать. Каким методом пользуется Борегар для меня тайна до сих пор.

К моему удивлению, в Перекресток прибыло не более двухсот скользящих. Они стояли разобщенными кучками, негромко переговаривались и нерешительно озирались по сторонам. Судя по всему, к походу они были готовы, вот только неужели мы все бросимся на поиски вот такой разношерстной толпой?

Соня в черном комбинезоне, с надвинутым на глаза козырьком бейсболки стояла поодаль, в компании с той самой говорливой старушкой, задававшей накануне массу вопросов, с молоденьким паренком, которого я заметил еще в прошлый раз и Роббера, вдовца погибшей императрицы Ориона. Роббер был мрачен, старушка ехидно ухмылялась, парнишка не мог устоять на месте и все время скалился. Соня хранила стоическое молчание и озиралась по сторонам. Я подошел к ним, поздоровался с Соней и старушкой, а парню и Робберу пожал руки.

– Где Борегар? – осведомился я.

– Вон он, – неопределенно махнула рукой куда-то за мою спину старушка. – И судя по всему, будет большой скандал. Борегар слишком много на себя решил взять.

В ответ на мой недоумевающий взгляд, Соня вздохнула и пожалала плечами.

– Все как мы и предполагали. Борегар берет руководство на себя. У него что-то есть против Попрыгуна, но делиться этим он не намерен. Ходят слухи, что отряд разведчиков должен присягнуть ему на верность.

– Интересно, кто будут эти идиоты? – фыркнула старушка. Роббер покосился на нее и горестно вздохнул. Я понимал его: все-таки жена погибла, дети... Но встать под знамена Борегара? Нет уж, увольте...

– За что вы так его не любите? – спросил паренек. Соня скривилась и отвернулась в сторону, явно не желая отвечать. Я тоже был не склонен к откровениям. За всех ответила старушка.

– Познакомишься с ним поближе – поймешь. И очень советую не делиться с ним своими находками.

Я присвистнул, Соня заинтересованно повернулась к старушке.

– Он и вас на чем-то нагрел? – спросила Соня. Старушка кивнула и растянула губы в ядовитой усмешке, от которой сразу стала похожей на улыбающуюся кобру.

– Один из самых прекрасных миров... Выгодную сделку с Императором... Я столько лет угробила на всхаживание и унавоживание, а тут явился Борегар и одним махом собрал урожай, подлец. А ведь прямо соловьем пел...

Старушка неожиданно лихо выругалась, как заправский матрос. Мы пришли в полный восторг. Настолько точно Борегару еще никто не давал столь исчерпывающей характеристики. Паренек покраснел так, что кончики ушей засветились, словно лампочки. Соня рассмеялась, я тоже. Даже Роббер грустно улыбнулся.

Тут из толпы показался Борегар, сопровождаемый своими псами. Следом за ним шла Императрица Ивон и карапуз, ставший императором лучшего детского мира. Я подумал, что было бы неплохо узнать, как его зовут, а то неудобно... Скользящий притихли и наострили уши. На всех лицах было напряженное внимание.

– Благодарю всех, что пришли, – надменно выпалил Борегар, тон которого явно говорил нечто прямо противоположное. – Сегодня часть из нас отправится на поиски Попрыгуна. Возможно, нас будет довольно много. Хочу сразу предупредить, не все из нас могут преодолеть барьеры разных миров. Еще раз повторюсь: нам нужны скользящие, для которых нет никаких ограничений...

Все молчали. Я осторожно огляделся по сторонам. Неужели здесь было столько скользящих, готовых путешествовать во всех мирах? Впрочем, почему бы и нет? Я же могу? И Соня может.

– Специально для проверки ваших возможностей здесь появился портал, созданный руками нескольких императоров, – зычно объявил Борегар и протянул руку куда-то в сторону. Все синхронно повернули головы. Справа от нас действительно крутилось, завиваясь в спираль мутное марево портала. – Портал не ведет никуда, но всем нужно пройти сквозь него, чтобы выяснить ваши возможности. Те из вас, кто не сможет пройти сквозь портал, в экспедиции участвовать не будет...

– Надо же, какие слова, – негромко процедила сквозь зубы старушка, – экспедиция... Ну просто коллективное собрание полярников перед походов в Арктику... Тоже мне, лейтенант Шмидт нашелся...

Борегар скользнул по толпе ясным взором и, не дождавшись вопросов, продолжил.

– Те из вас, кто пройдет сквозь портал, окажется в команде, которая даст клятву в том, что приложит все усилия для поисков Попрыгуна, и не будет заниматься ничем другим. Попытка покинуть команду будет расценена как предательство. Предавший команду раз и навсегда будет отлучен от возможности попадать в подписавшие соглашение о союзничестве миров.

Толпа скользящих заволновалась. В толпе послышались недовольные шепотки, а когда Борегар произнес свои последние слова, шепот перерос в шквал возмущения.

– Командовать операцией буду я. Все члены команды обязаны подчиняться мне беспрекословно.

Голос Борегара заглушили гневные голоса. Подчиняться ему явно никому не хотелось. Я увидел, как толпа начала редеть. Скользящие покидали Перекресток. Мне тоже захотелось уйти, но я решил выслушать все до конца. Пока были только кнуты, где же пряники?

– Теперь о приятном, – невозмутимо произнес Борегар. – Члены команды по окончании миссии получают регалии от императоров, подписавших соглашение, любые их просьбы, лежащий в рамках возможных, будут выполнены. Всего соглашение подписали двадцать четыре тысячи, семьсот одиннадцать миров...

Скользящие замолчали. Ради такого куша стоило и рискнуть. Но прыгать под дудку Борегара...

– Что скажешь? – прошептала Соня.

– Не знаю, – тихо ответил я. – Жирный кусок в случае успеха. Но я почему-то совсем не уверен, что мы его получим. И что, интересно, получит Борегар? Сомневаюсь, что условия для всех и для него идентичны. В любом случае, подчиняться ему я не согласен. Если это будет обязательным условием, от которого невозможно будет отвертеться, я, пожалуй, откажусь. Мне и так неплохо живется.

– Ну, делить шкуру неубитого медведя рано, – пожала плечами Соня. – Нужно еще портал пройти. Не факт, что у нас это получится.

Видимо, такие мысли обуревали всех скользящих, поскольку на приглашающий знак Борегара пройти к порталу, не отреагировал никто. Император-карапуз нервно сосал палец, Ивон была бледна, как смерть.

– Каким образом мы будем искать этого Попрыгуна, – раздался вдруг в толпе зычный мужской голос.

– Это секретная информация, – немедленно отреагировал Борегар. – Она станет известной только членам команды.

– Чем Борегар достоин такой чести, руководить всеми нами? – спросил тот же мужчина. Я вытянул шею, стараясь разглядеть его в толпе, но так и не смог.

– Это тоже секретная информация, – отрезал Борегар.

– Я разговариваю не с тобой, Борегар, – надменно ответил невидимый мне мужчина. – Заранее прошу прощения у Императрицы Ивон и Императора Ману, но у нас есть основания не доверять Борегару, уже не раз проявившему себя по отношению к своим коллегам с самой худшей стороны. Поэтому я и спрашиваю: почему Борегар должен быть нашим руководителем?

Борегар дернул губой и что-то хотел сказать, но Ивон его остановила, выйдя вперед и промолвив устало и обреченно.

– Скользящий Борегар первым предложил нам свою помощь. У нас не было оснований не доверять ему. В поисках Попрыгуна его помощь будет неоценима. Борегар был искусственно наделен особенной способностью. К сожалению, наделить этим же кого-либо еще мы больше не сможем. Поэтому мы и решили, что в данной ситуации Борегар должен руководить походом.

– Прошу еще раз прощения, – язвительно продолжил мужчина. – Но Борегар преследует прежде всего защиту собственных интересов, нежели заботится о ком-то еще. Я думаю, что со мной никто не будет спорить?

Вокруг раздались возгласы одобрения, а я мельком подумал, что Борегар успел насолить очень и очень многим.

– В связи с этим я не поручусь, что в самый ответственный момент наш руководитель предпочтет заниматься своими делами. Мы хорошо знаем Борегара и убеждены, что его не остановят никакие клятвы.

У Борегара нервно дрожала щека. Губы были белого цвета, а глаза метали молнии. Он с ненавистью смотрел на кого-то в толпе и очень хотел прервать его, но почему-то не решался. Наконец он выступил вперед, но карапуз, которого, как выяснилось, звали Император Ману, оборвал его еще не начавшуюся речь.

– Мы готовы обсудить возможные компромиссы. Но обсуждать их мы будем только с командой.

– Жлобье, – тихо сказала Соня. – Все-таки Императоры – скотские натуры. Обладают такой мощью и ничем не желают поделиться.

– Ты бы желала? – изумился я.

Соня пожала плечами.

– Если бы стояла перед выбором – поделиться могуществом или умереть, я бы поделилась. А вот у них другое мнение.

– Ну, милая моя, – вмешалась в наш разговор старушка, – это уже называется политика. И не важно, что государства эти, скорее всего никогда не пересекутся друг с другом. Ты вспомни из своей истории: хоть одно государство вашей страны помогало кому-нибудь безвозмездно? Вспомни, к примеру, Вторую мировую войну. Когда англичане изобрели пенициллин, советы умоляли дать им образцы лекарства, но англичане отказали, потому как еще сами не решили, поддерживать Гитлера или Сталина. Когда же советы вывели свой штамм пенициллина, они точно так же отказали англичанам, готовых сотрудничать с СССР.

– Так им и надо, – мстительно покосившись на Борегара, прошипела Соня.

– Но позвольте, – запротестовал я, – это были государства, живущий в одной плоскости, одном времени и на одной планете. Миры, в которых бываем мы, совсем другое дело.

– Как сказать, – загадочно покачала головой старуха. – Где-то хорошо развита инфраструктура, стоят небоскребы, люди гоняют на машинах, а иногда даже по небу летают, как птицы. А где-то до сих пор скребут землю мотыгой, никто не отменяет феодализм, а то и абсолютную монархию. Тебе бы понравилось, если бы ты создал шикарный техногенный мир, кор-

пел над ним не один год, а потом бы узнал, что некие скользящие разведали все, что могли и передали все сведения другому императору? А он создал такой же мир, точную копию, или и вовсе, додумался до чего-то такого, до чего не дошел своим умом ты.

– Да какая разница? – возмутилась Соня.

– Не скажи, – возразил я. – Каждому присуще чувство собственности. Что мое, то мое! Тебе вот недавно не понравилось, что другой скользящий помогал выводить из гибнущих миров людей. Мне не нравится, когда Борегар или кто-то еще влезает в открытые мною миры. Это мое, я нашел это первым.

– Ну, то, что Борегар нам всем мешает жизнь, это дело понятное, – пожала плечами Соня. – А вот с такой постановкой вопроса о сотрудничестве между мирами я не согласна. Но ваша точка зрения мне, по крайней мере, понятна.

– Мне непонятно другое, – сквозь зубы процедил я. – Борегар, как нам уже известно по горькому опыту, скользящий без ограничений. Почему же он из кожи вон лезет, чтобы заполучить контракты в уже открытых мирах? Ведь есть сотни других, в которых никто никогда не был.

Соня снова пожала плечами и, судя по сдвинутым бровям, задумалась, зато старушка махнула рукой.

– Тоже мне загадка. У Борегара фантазия на троечку, а чутья и подавно нет. Он не может потянуть на себя ниточку открытого мира, если ему предварительно не показать дорогу туда. Я вообще удивлена, как он смог стать скользящим без ограничений. Зато подлючести ему не занимать.

– Как же тогда он договорился с Императорами? – удивился я.

Старушка только развела руками в знак полного своего неведения. Впрочем, я не стал заострять на этом много внимания, потому что ряды скользящих оживились. Судя по подбадриваемым возгласам Борегара и Ивон, скользящий ринулись на штурм портала. Мы, не сговариваясь, подошли поближе.

Первым в портал шагнул сам Борегар. На миг он исчез, а потом появился с другой стороны, целый и невредимый, картинно раскланиваясь с окружающими. Аплодисментов он не дождался, но некий порог недоверия к мутному зеркалу портала был преодолен. После недолгой паузы, к порталу шагнул мускулистый атлет с восточным разрезом глаз и выкрашенными в белый цвет волосами. Он сделал шаг вперед и исчез в белесом мареве. Секунду ничего не происходило, а потом с пушечной силой мужчины вышвырнуло из портала с той же стороны, с которой он туда вошел. Пролетев несколько метров, мужчина приземлился прямо на головы скользящих, подминая их под собой. Со стороны сметенной, словно кегли, кучки людей, послышались стоны и приглушенные проклятия.

– Вот дерьмо, – выругалась старушка.

– Минус один, – констатировал Роббер. – Интересно, сколько будет таких?

Меня это тоже заинтересовало. После полета неизвестного мне скользящего энтузиазм остальных заметно поубавился. На портал искоса поглядывали, но бросаться в искрящуюся полынью никому не хотелось. Наконец из толпы вышла коренастая женщина в штанах цвета хаки и черной куртке, застегнутой до самого подбородка. Она мгновение колебалась, а потом прыгнула внутрь портала. Секунду не происходило ничего, а потом женщину точно так же вышвырнуло наружу, и она вторично сбила кое-как поднявшихся скользящих. Снова послышались вопли и стоны, чуть более яростные и эмоциональные. Интерес к порталу заметно подувал.

Третьим на штурм ринулся молодой парень совершенно дикого вида, в кожаной куртке и штанах, увешанный цепями и медальонами. Он разбежался и... даже не влетел в портал. Со стороны казалось, что парень со всей дури налетел на каменную стену. Охая, парень поднялся,

потирая разбитый лоб и, под сдерживаемые усмешки, пошел прочь, бормоча себе под нос что-то неразборчивое. Борегар ехидно ухмылялся.

Следующий претендент, седой мужчина небольшого роста, был уже более осторожен. Он не стал прыгать в портал с разбегу, а осторожно шагнул туда и исчез. Через секунду его вышвырнуло с той же самой силой. На этот раз скользящие предусмотрительно разбежались, так что приземляться страдальцу пришлось на гладкую поверхность Перекрестка.

– Угол падения не равен углу отражения, – пробормотала старушка. – Любопытно. Выходит, не важно с какой скоростью тыходишь в этот портал, поскольку вышвыривает тебя одинаково сильно.

В толпе скользящих послышались невнятные возгласы, из которых стало понятно, что, мол, им поставили невыполнимые условия, возможно, что-то нахимичил Борегар. Тот пожал плечами и снова прошел сквозь портал, но на этот раз в обратном направлении. На толпу это никакого действия не произвело. Борегар на обвинения не реагировал и презрительно усмехался до того момента, как к порталу не вышел высокий темнокожий мужчина, как минимум на голову превосходящий Борегара. Сидевшие неподалеку псы Борегара заволновались, один даже оскалится, а сам Бо смотрел на приближающегося мужчину со странной смесью страха и высокомерия на лице. Его глаза горели непонятной надеждой. Видимо, Бо очень не хотелось, чтобы новый претендент прошел на другую сторону портала.

Мужчина что-то негромко сказал Борегару. Тот ответил сквозь зубы, яростно сверкнув глазами. Мужчина негромко рассмеялся и шагнул в портал. Мы затаили дыхание. Через секунду мужчина появился на другой стороне искрящегося небытия. Секунды две стояла оглушительная тишина, а потом скользящие испустили восторженный рев. Мужчина поднял вверх обе руки и что-то выкрикнул.

– Ну-ка я попробую, – сказал Роббер и с неожиданным проворством бросился к порталу. Он прыгнул в него головой вперед, вытянув руки, словно в воду. Мы с Соней схватили друг друга за руки. Через секунду Роббер вылетел с другой стороны портала, упав на живот, как лягушка. Он поднялся со стоном, а потом, потрясая от восторга руками, начал прыгать на одном месте, издавая нечеловеческие рыки. Скользящие, воодушевленные успехом, бросились на штурм портала. Однако одного за другим их подстерегала неудача. Особенно эффектно была прыгнувшая в портал парочка из двух мужчин, крепко сцепившихся за руки. Обоих вышвырнуло с такой силой, что они едва не вылетели за пределы Перекрестка. Часть испытанных судьбу скользящих покидала Перекресток, другие оставались, чтобы посмотреть на неудачи коллег.

– Попробуем? – спросила Соня. Я кивнул. Это было уже интересно. Соня ринулась было вперед, но я остановил ее и пошел первым.

Мутная гладь открытого портала была совсем рядом, переливаясь бликами, словно зыбь на воде. Сквозь нее я видел Перекресток, стоявших на другой стороне Борегара, Роббера и незнакомого мне темнокожего мужчину. Но эта мутноватая зыбь была совсем не такой, с которой мне уже приходилось сталкиваться прежде при переходе из мира в мир. Она не была абсолютно прозрачной, более того, то и дело видимость пропадала совсем. Фигуры Бо и стоявших рядом с ним скользящих, расплывались, пропадая из виду совершенно, а то вдруг начинали двоиться и троиться. Иногда то сверху, то снизу меня манили какие-то лица, чьи-то руки призывно махали мне и грозили пальцами, мол, не смей, но все они были странными, словно лишенными каких-то индивидуальных черт, как гипсовые маски на фасадах зданий. Задержав дыхание, я отважно шагнул сквозь тонкую пленку чужого портала.

Ощущения были совсем другими. Пройти сквозь обычный портал не представляет никаких трудностей. Даже люди, не обладающие способностями скользящего, проходят порталы без проблем, ведомые теми, кто умеет это делать, и не испытывают никаких особо неприятных ощущений. Так, легкое покалывание, заложенные уши, резкая перемена температуры, ощуща-

емая даже не кожей, а чем-то подкожным, иногда небольшое удушье и головокружение, проходящее через пару минут. Здесь же было что-то принципиально другое. Во-первых, ощущение полного безвременья. Я не мог понять, сколько секунд, минут или часов я провел внутри. Во-вторых, полная дезориентация. Хотя я и смотрел прямо перед собой, мне казалось, что со всех сторон меня окружает липкая серая мгла. Охватившая меня паника была плохим союзником, но мне показалось, что я застряну тут навсегда. Я уже даже мечтал о том, чтобы меня вышвырнуло прочь, чтобы избавиться от этого мерзкого ощущения полного и безысходного вакуумного одиночества, как вдруг оказался на твердой земле, рядом с Борегаром и еще двумя счастливыми.

– Поздравляю, – сказал темнокожий мужчина и протянул мне руку. Роббер похлопал меня по плечу. Я кивнул им, и, тяжело дыша, уселся прямо на неестественно гладкую землю.

– Тяжело? – участливо спросил Роббер.

– Неприятно, – скривился я. – Никогда не испытывал ничего подобного.

– Да уж, – согласился Роббер. – Гадкое ощущение. Атмосфера паники и отчаяния. Интересно, сколько еще народу к нам присоединиться? Я смотрю, везет не всем...

В этот самый момент поверхность портала вздыбилась и к нашим ногам упала Соня. Она тяжело дышала и нервно озиралась по сторонам.

– Господи, это какой-то кошмар, – пожаловалась она, с трудом поднимаясь с земли, опершись на руку темнокожего мужчины. Видимо, ей проход обошелся легче, потому как я был не в состоянии даже подняться. Наплевав на любопытные взгляды со всех сторон, я развалился прямо на земле, раскинув в стороны руки и ноги. Борегар ядовито ухмыльнулся, но поспешно отвернулся, увидев, как на моей руке растут когти. Довольно долго ничего не происходило. Мы не разговаривали, потому что сил поддерживать беседу просто не было. Сквозь мутное марево портала мы видели, как снова и снова к нам пытаются прорваться другие скользкие, но им не везет. На какой-то миг они исчезали из виду, а потом вылетали наружу, как пробки и шампанского. Я уже было подумал, что на поиски мы отправимся впятером. В этот момент поверхность портала снова вздыбилась и пропустила того самого молоденького парня, стоящего рядом с нами. Он шатался, как пьяный, а потом рухнул на землю.

– Это просто ураган какой-то, – восхищенно произнес он и закрыл глаза, совершенно обессилевший.

– Много там еще желающих? – нервно спросил Борегар. Ему никто не ответил, потому что в этот момент из портала появилась беседовавшая с нами старушка. Она охнула и начала заваливаться на бок. Темнокожий мужчина поддержал ее. Старушка бросила на него благодарный взгляд, Борегару достался взгляд, исполненный ярости.

– Чего вы туда такого намешали? – гневно выдохнула старушка. – Это же уму не постижимо! Никогда еще не попадала в такую ситуацию.

– А чего вы хотели? – презрительно осведомился Борегар. – Чтобы Попрыгун сам сдался на вашу милость, предварительно разбросав на вашем пути лепестки роз? Если верить тому, что я видел в Элеганте, нам предстоит встретиться с чем-то непонятным. Никто не вынесет вам ключи от города. Более того, в ряде миров нам будут не очень-то и рады. Соглашение действует не на все миры. Так что лучше быть готовым к самым разным ситуациям, чем сдать перед лицом противника...

– Сколько патетики, – иронично хмыкнул темнокожий мужчина. – Ладно, пока у нас есть время, может быть, мы познакомимся? Кстати, там еще много народу?

– Не очень, – ответила старушка. – Я шла в числе последних. Ну, и раз уж мы решили перейти на «ты», меня зовут Беата. Я из Польши, долго жила в Лодзи.

– Я Кевин, – кивнул в ответ темнокожий. – Лос-Анджелес, Калифорния.

– Соня, – слабым голосом произнесла Соня. – Омск, Россия.

– Роббер, – мрачно произнес Роббер. – Орион...

«Любопытно, – подумал я. – Роббер пока единственный, кто не сказал, откуда он, предпочтя назвать местом жительства уже не существующий мир.» Повернувшись к присутствующим, я представился:

– Артем, Омск, Россия.

– Вы с Соней живете в одном городе? – удивился паренек.

– Ну да. И даже не очень далеко друг от друга. А ты?

Паренек рассмеялся.

– Я Кристиан, Париж, Франция. Из моего окна не видна Эйфелева башня, если кто поинтересуется.

– Все-таки быть скользящим, это замечательно, – дружелюбно вымолвила Беата. – Представляете, на скольких языках мы бы пытались объясниться друг с другом, если бы не прыгали из мира в мир?

Беата была права. Скользящий, попадая в новый мир, автоматически начинает общаться на том языке, который принят там, причем так бойко, что его могут принять за местного жителя, если, конечно, там не обитают синерьерные четырехглазые монстры. Я долго удивлялся такому казусу, а потом перестал, вспомнив, что мне и иностранные языки давались невероятно легко еще до того, как я стал скользить не только в разные миры, но и просто в разные страны на родной земле. С Анваром, к примеру, мы общались на турецком...

Борегар смотрел на нас с гримасой снисхождения. Мы, заболтавшись, совсем позабыли про него, а потом как-то неожиданно вспомнили, причем одновременно и повернули к нему головы.

– Думаю, мне представляться не надо, – высокомерно сказал он.

– Да уж, – буркнула Соня. – Кто не знает Борегара...

Мы ждали еще довольно долго, но больше к нам никто так и не вышел. Борегар снова скользнул в портал и показался на другой его стороне, мы же его попросту обошли. Толпа скользящих, потиравших многочисленные ссадины и ушибы, уставилась на нас с завистью и враждебностью.

– Как видите, – громогласно провозгласил Борегар, – команда сформирована. Прошу вас, в случае обнаружения в каком-либо из ваших знакомых миров стихийных бед и разрушений прибыть в Перекресток и сообщить об этом привратнику. Он всегда здесь, вам достаточно будет его позвать...

– Тому, кто обнаружит Попрыгуна, будут оказаны положенные почести, – добавила Ивон изрядно погрустневшим скользящим. Борегар скривился и метнул на Императрицу гневный взгляд, но та и ухом не повела. В общем, ее политика была правильной. На Попрыгуна мог наткнуться любой скользящий, не входящий в команду, а мы бы об этом и не узнали. Любопытно, в чем вообще заключались наши функции. Лично мне больше нравилось предложение Сони, распределиться по мирам и поискать их разрушителя, но в этом методе были свои пробелы. Попрыгун мог обнаружиться в мире, нам неизвестном, и где тогда его искать?

Впрочем, как его будет искать наша команда, мне тоже было неизвестно.

Вдохновленные напутствием Ивон, скользящие медленно растворились. Мы подождали еще несколько минут, потом собрали свои вещи и подошли к все еще клубящемуся portalу.

– Настало время сообщить вам все детали, – писклявым дискантом начал Император Ману. – Но для начала вы должны принести нам клятву верности.

– Никаких клятв, – отрезал Кевин. – Мы не нанимаемся к вам в рабство. Каждый из нас заинтересован в успехе, но, может быть, эта ноша окажется непосильной. Среди нас пожилая леди и совсем юный парень, почти ребенок. И, как я уже сказал, нам не нравится перспектива подчиняться Борегару.

– Куда вы денетесь, – фыркнул Борегар вполголоса. Кевин его услышал и резко развернулся в его сторону. За считанные мгновения его и без того темная голова потемнела еще

больше, лицо вытянулось вперед как у волка, обнажив оскаленные клыки с сочившейся слюной пасти, а глаза из темно-карих превратились в оранжевые. Из горла того, что еще пару мгновений назад было простым темнокожим мужчиной, вырвался глухой рык с нечленораздельными трубными словами:

– Еще о-удно-у сло-уо-уво-у, и я тебя-у разарв-оу!

Псы Борегара ошетинились и приняли боевую стойку, оскалив нешуточные пасти. Борегар, совершенно зеленый, стоял, стараясь унять нервную дрожь. Мне это представление даже понравилось, за исключением нового вида Кевина. Впрочем, Кевин недолго пребывал в своем устрашающем облике и почти мгновенно вернул себе прежний облик. Вот только глаза еще с полминуты горели нестерпимым оранжевым огнем.

– Да он метаморф, – шепнула мне на ухо Соня. – Как тебе это нравится?

– Пока не очень, – шепотом ответил я. – Впрочем, еще неизвестно, что нам приготовили милая старушка, пацан и Роббер. Я никогда не имел с ними дел и до сего момента не знал...

Ивон и Ману решительно выступили вперед.

– Кевин, вы вполне разумно объяснили свое нежелание подчиняться Борегару, – успокаивающе произнесла Ивон. – И ваше состояние понятно, особенно в ходе вашей застарелой вражды. Но, дело в том, что кроме Борегара найти Попрыгуна будет некому. Мы, императоры погибающих миров, наделили его особой способностью – чувствовать погибающие миры. К сожалению, мы не можем гарантировать, что вместе с этими мирами он сможет почувствовать, где находится Попрыгун, но хотя бы вектор поисков будет задан.

– Я согласен с тем, что Борегар может быть своеобразным проводником, – хмуро кивнул Кевин, – но почему мы должны ему подчиняться? Борегар – игрок-одиночка, с весьма сомнительными моральными качествами. Я не доверяю ему. Кроме того, я гораздо больше подхожу в качестве руководителя операции, как бывший морской пехотинец...

– Ну вот, сейчас нас будут резать, и делить, как пирог с яблоками, – ядовито фыркнула Беата. Борегар ее отлично расслышал.

– Вот, – торжествующе воскликнул он. – Нормальные люди не станут доверять какому-то волку-переростку, не умеющего себя контролировать при полной луне!

Глаза Кевина снова вспыхнули оранжевым огнем, но Соня резко встала между ними и повернулась к Ивон.

– Ваше величество, я тоже не в восторге от того, чтобы подчиняться Борегару. Не знаю, могу ли я довериться Кевину в качестве командира, но я бы предпочла рискнуть. Я не знаю Кевина, но очень хорошо представляю, кто такой Борегар, который в любой момент бросит нас на произвол судьбы, особенно, если ему будет известно больше, чем нам. В такой ситуации какие-либо клятвы – неприемлемое условие.

– Но вам нужен руководитель, – пропищал Ману. – Вам предстоит скользить не один раз, возможно – принимать участие в битвах. А это невозможно без общего руководства.

– Вы же говорили, что наша задача – разведка, – наморщилась Беата.

– Да, но возможно вы сможете обнаружить Попрыгуна и тогда, в случае необходимости, вы сможете привести на бой Императоров, – возразил Ману. – тем более, что в вашей группе сразу два скользких, имеющих возможность вести за собой людей.

Соня подпрыгнула.

– А кто второй?

– Я, – хладнокровно ответила Беата. – И отвечая на ваш невысказанный вопрос, это я помогла некоторым Императорам вырваться из разрушенных миров.

– Вечер перестает быть томным, – пробормотал я. Соня метнула на меня гневный взгляд, но ничего не сказала. Предчувствия же, охватившие меня, были самыми мрачными. У нас есть противоборствующие Кевин и Борегар, явно ненавидящие друг друга. Теперь вот еще неизвестно, как поладят Соня и Беата. Ну и темные лошадки в лице Кристиана и Роббера. Ах да,

есть еще всеобщая неприязнь к нашему компасу – то бишь Борегару, которого недолюбливают все, может быть за исключением наивного и неопытного Кристиана.

– Что думаете вы, Артем? – обратилась ко мне Ивон.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Я тоже по натуре одиночка и плясать под чью-либо дудку не привык. Но в данной ситуации никакого выхода не вижу. Теоретически, нам действительно нужен руководитель. Практически – неизвестно куда нас забросят поиски Попрыгуна. Я хорошо ориентируюсь в одних мирах, Соня в других, Беата в третьих и так далее. Где логика? Назначим руководителем Борегара или Кевина и окажемся в мирах, где их нога прежде не ступала. И что толку от их руководства, если они будут шарахаться от гигантских гусениц Малабада, которых можно использовать как тягловую силу и средство передвижения, и будут умиляться над ядовитыми пушистиком Вермеры?

– Что вы хотите сказать? – дернула бровями Ивон.

– Я хочу сказать, что мы должны обсуждать нашу стратегию все вместе, а не слепо подчиняться приказам руководителя. Возможно в определенных мирах, где мы никогда не были, будет логично переложить управление на Кевина, как на более опытного в подготовке. Но не следует забывать, что среди нас – немолодая женщина и совсем юный парень, которые отнюдь не солдаты спецназа и могут не выдержать марш-бросков по пересеченной местности.

– Ты о себе заботься, а уж о себе я подумаю сама, – ласково сказала Беата. Кристиан и вовсе надулся и демонстративно повернулся в другую сторону.

– Я согласен с Артемом, – произнес молчавший до сего момента Роббер. – Нам нужно подстраиваться под ситуацию. И говорить о каком-то руководстве не следует. В конце концов, что это даст нам? Наша цель нам известна. Все скользкие моменты мы сможем обсудить. Лично я не стану очертя голову бросаться на врага, только потому что мне так приказали. Я сам по себе, и подчиняться без необходимости не собираюсь.

– Какая замечательная компания подобралась, – ехидно заметила Беата. – Я прямо так и вижу все радости нашего совместного вояжа.

– А тебя никто и не заставляет отправляться с нами, – ядовито произнесла Соня. Беата ответила улыбочкой хорошо воспитанной кобры и ткнула в сторону портала.

– Ошибаешься, деточка. Я думаю, что после прохода этой штуки у нас нет особого выбора, ведь так?

Последняя фраза Беаты заставила меня похолодеть. Что это такое она имела в виду? Соня мгновенно ошетибилась. Я почувствовал, как призывно зачесались кончики пальцев. Глаза Кевина снова начали наливаться апельсиновым цветом. По губам Борегара скользнула тонкая улыбка. Но больше всего мне не понравилось, как переглянулись Ивон и Ману.

– Как вы узнали? – выдохнула Ивон.

– Я старая женщина, которая видела жизнь во всех ее проявлениях, – устало улыбнулась Беата. – Вам нужны были гарантии, что мы не разбежимся после первой же неудачи. Вот вы и придумали вот такую штуку, как этот портал. Он наверняка каким-то образом действует на нас, позволяя вам нас контролировать.

Хруст костей заставил меня обернуться. Кевин начал меняться весь. Его лицо было ужасным, но еще более ужасной была его наливающаяся мускулатурой фигура. Псы Борегара лаяли, как сумасшедшие.

– И еще одна маленькая деталь, – продолжила Беата. – Деталь, из-за которой я никогда не подчинюсь ничьим указаниям, если посчитаю их неразумными. На Борегара этот портал не оказывает никакого влияния, ведь так?

Кевин, рыча, двинулся к Борегару. Тот, с сизыми от страха щеками, пятился назад.

– Откуда вы узнали? – тихо повторила Ивон, но вместо Беаты ответил Кристиан.

– А я понял! Мы все после прохода сквозь портал были как выжатый лимон, а Борегар на наших глазах прошел туда-сюда как минимум три раза и чувствовал себя превосходно!

– Вот именно, – подтвердила Беата. – А еще я хорошо знаю Борегара. Он никогда бы не пошел на что-то подобное, ставящее его в один ряд со всеми. Не знаю, как вы это устроили, но факт налицо.

Отчаянный вой собак заставил нас обернуться. Припавшие к земле псы Борегара были готовы к битве с нависавшим над Бо Кевином. Борегар трусливо поскуливал и закрывался руками.

– Кевин, вернись к нам! – крикнула Соня. Кевин не отреагировал, продолжая лязгать челюстями.

– Чем нам грозит проход через портал в случае нашего отказа от выполнения задания? – спросил я.

– Для вас будут закрыты все миры, – тихо ответила Ивон. – Кроме того, Императоры отнимут те ваши способности, которыми вы были наделены. Вы же знаете, что мы можем это сделать...

– С-сука, – прошипела Соня, в руке которой неизвестно откуда показалась сабля. Впрочем, Соня быстро взяла себя в руки, лезвие втянулось в узкий рукав, а вот как там поместился эфес сабли, я не понял, хотя долго приглядывался.

– У нас нет иного выбора, – твердо произнес Ману. – Вы бы наверняка отказались после первого же серьезного столкновения с Попрыгуном или сопутствующему ему бедствиями. И мы остались бы с ним один на один. Нам нужны были гарантии.

– Значит, тестирование на возможность скольжения было лишь отвлекающим маневром? – усмехнулся Роббер. – Такая своеобразная замануха? А вы лишь хотели нас всех повязать клятвой?

– Ничего подобного, – возразил Ману. – Мы действительно искали самых достойных скользких, у которых нет никаких ограничений. Вы видите, как вас оказалось мало? Мы предполагали подобную ситуацию, потому что знаем вас всех наперечет. И когда мы поделились своими сведениями, то оказалось, что пригодных для такой работы скользких всего пять человек. Появление Кристиана и Роббера в этих рядах было приятным сюрпризом. И если бы вы отказались, нам не на кого было надеяться.

– Беата, – тихо спросила Ивон, – вы же с самого начала поняли, что все будет не так гладко. Почему же вы пошли на это? Почему не предупредил остальных?

– Потому что я все равно бы не отказалась, – улыбнулась Беата. – Когда рушится мир, не время думать о собственном спокойствии. Нужно спасать то, что еще можно спасти.

– Моя жена и мои дети погибли, – угрюмо произнес Роббер. – Я знаю, как гибнет то, что ты любишь. И я бы тоже не отказался, без всяких клятв.

Кевин, с хрустом и влажным чавканьем придавал себе прежнюю форму. Борегар, сжавшийся в комок и прятавшийся за своими грозными псами, был жалок. Потный Кевин сдернул с себя изорванную майку и бросил ее на землю.

– И это ничтожество вы собирались поставить командовать нами? – ухмыльнулся он. Ивон опустила глаза. Ману тоже выглядел смущенным.

– Без Борегара вам все равно не обойтись, – тихо произнесла Ивон. – Мы разрываем отдельный договор с ним как не состоятельный. Теперь все будут в равных условиях.

– Какой еще договор? – встrepенулась Соня. Ивон вздохнула.

– Борегар, как руководитель группы, должен был сам решить, кого стоит оделить дарами в случае успеха. Он же мог решить, кто не заслужил ничего. Он должен был являться сюда на доклад ежедневно. Но теперь мы готовы выслушивать любого из вас.

– Вот ведь вонючка, – презрительно посмотрев на Борегара, произнесла Соня.

– А вы не можете наделить кого-нибудь из нас таким же даром? – осведомился Роббер.

– Увы, нет, – отрицательно покачал головой Ману. – На это способны были лишь несколько императоров уже почти погибших миров. Нам же, чьи империи пока нетронуты,

подобное не по силам. А у них таких возможностей больше нет. Все остатки бывшего могущества были вложены в Борегара и вот этот портал.

– Ладно, – махнула рукой Беата. – Время идет. Тащите сюда этого урода, пусть говорит, куда нам следует скользить. Я так поняла, что мы должны докладывать обо всем произошедшем?

– И желательно ежедневно. Если же будет происходить что-то срочное, сигнал должен поступать немедленно, – пояснил Ману.

Борегар, растерявший свою былую значимость, подошел к нам, бросая на Кевина злобные взгляды. Тот был совершенно невозмутим.

– Куда мы идем? – спросил Роббер.

– Не знаю, – раздраженно ответил Борегар. – Думаешь, я знаю названия всех миров? Я могу лишь почувствовать. А там, как получится.

Мы, подхватив свою поклажу, выстроились напротив портала, куда напряженно смотрел Борегар. Все молчали, стараясь не мешать ему. Борегар старался изо всех сил. Псы у его ног тяжело дышали и нервно оглядывались на Кевина. Наконец в туманной дымке портала, вместо уже знакомой части Перекрестка, появилось что-то новое, с сочной зеленой листвой и звездным небом. Борегар что-то пробормотал и сделал шаг вперед. Видение немедленно растворилось. Мы тяжело вздохнули.

Соня, закрывшая на мгновение глаза, исчезла первой. Я провел мелом черту на гладкой земле Перекрестка. Когда я поднимался, то увидел, как неслышно растворился Кристиан. Роббер стоял, уставившись в зеркало. Как скользили Беата и Кевин я увидеть не успел, потому что сам сделал шаг вперед.

* * *

У каждого скользящего – свои часы. Прыгая из пространства в пространство, из мира в мир, мы пересекаем не только сжатые под прессом вселенского разума расстояния, но и тысячи часовых поясов. Я никогда над этим сильно не задумывался, пока однажды не проскользил в Средиземье утром во вторник, а вернулся в пятницу, хотя был уверен, что провел в Средиземье всего полтора дня. Прыжки у всех разные, не знаю почему. До сего момента мне это было безразлично, но теперь семь скользящих должны были прибыть в заданное место, и сделать это одновременно получилось не у всех.

В новом для меня мире царилась ночь, влажная и наполненная шорохами. Я дал бы голову на отсечение, что нахожусь в тропиках. В небе висела розовая долька луны, увенчанная гарниром из неизвестных созвездий. Позади меня висела еще одна луна, окруженная кольцом метеоров. Небо с одной стороны, кою я посчитал востоком, уже начинало светлеть. Под ногами шумела мокрая трава, а воздух был наполнен ароматами цветов, незнакомыми и чарующими.

Я стоял где-то на опушке леса, причем опушке явно искусственного происхождения. На ней валялся срезанный комель дерева, уже поросшего лианами и чем-то вроде грибов с острыми зонтиками шляпок. Из земли торчало еще несколько пней. На одном из них, у небольшого костерка сидела Соня и что-то сосредоточенно жевала. Рядом облизывались собаки Борегара. Самого Бо видно не было. По полянке небрежно вышагивал Кристиан. Он первым заметил меня и помахал рукой. Собаки настороженно повели ушами, но потом отвернулись, с захватывающим интересом изучая бутерброд Сони.

– Давно сидите? – поинтересовался я. Кристиан помотал головой.

– Я где-то с полчаса, а Соня...

Соня бросила остаток бутерброда собакам и встала, вытирая руки о штаны.

– Я тут всю ночь. Когда я здесь оказалась, уже темнело. Однако вы долго добираетесь. Думаю, для экономии времени нам с Беатой лучше будет вести группу. Уж больно все вразнобой происходит...

Что-то слабо сверкнуло, словно кусок стекла, и на полянке появился Роббер. Он недоуменно огляделся вокруг.

– Уже ночь? – удивился он.

– Вы бы еще дольше собирались, – раздраженно произнесла Соня, – я бы тут уже мхом поросла.

– Где Борегар? – спросил я.

– Ушел за дровами, – ответил Кристиан. – Мы решили, что костерок привлечет ваше внимание, если вы вдруг высадитесь не там.

– Костер может привлечь внимание тех, кто питается такими как мы, – хмуро сказал Роббер. – Хищников всяких... тигров, львов...

– Ни один хищник к огню не подойдет, – горячо возразил Кристиан. – Это каждому школьнику известно!

– Это у нас, – парировал Роббер. – А тут неизвестно еще... Кстати, есть догадки, где мы находимся? Кто-нибудь бывал тут раньше?

Кристиан пожал плечами, Соня отрицательно покачала головой. Я повторил ее жест. Мы могли быть где угодно. Планеты огромны, мы могли быть в уже знакомом нам мире, но в той местности, где не бывали раньше. Роббер огляделся по сторонам, потом вздохнул и уставился на небо.

– Две луны, – задумчиво произнес он. – Что-то я слышал о мире с двумя лунами...

– Здесь три луны, – возразила Соня. – Одна уже зашла. Она была на небе вместе с тутошним солнцем. Кстати, оно голубоватое. Кто слышал про голубое солнце?

– Голубое солнце на Радамане, – влез Кристиан, – но это явно не Радаман. Там холодно, насколько я знаю, не говоря о том, что луна одна.

– Никогда не слышал про Радаман, – сказал я. – Что за мир? Как там?

– Да так себе, – скривился Кристиан. – Снег, скалы, горные львы и что-то вроде коз. Людей мало, в основном живут племенами. Строй первобытный. С императором повидаться не довелось, но если учесть, что я скользил по всей планете, там везде так – степь, горы, реки и очень много снега. Весна короткая, лето еще короче. Не знаю, как там люди живут, там почти нет растительности. На меня смотрели равнодушно и ничуть не удивились. Им, похоже, по фигу все. Какой-то забытый богом мирок...

Беата появилась неслышно, я просто моргнул, и она оказалась прямо у костра на пенечке, усевшись на нем с удобствами.

– Где мы? – спросила она.

– Не знаем, – нестройным хором ответили мы. Беата вздохнула и завертела головой. Потом уставилась на небо.

– Похоже на Сейвиллу, – сказала она. – Там в небе висит похожая штука. Но не поручусь. Я такое видела в паре миров.

– Здесь солнце голубое, – добавила Соня.

– Голубое? Точно Сейвилла, – отмахнулась Беата. – Да уж, подфартило нам... Терпеть не могу тут бывать...

– Что за Сейвилла? – поинтересовался Роббер. – Чем тебе она так не угодила?

– Вполне симпатичный мирок, – ненатурально бодрым голоском пропищала Беата, – для любителей войнушек и мясорубок. Все довольно современно, города, страны... только вот процентов восемьдесят суши покрыто джунглями. А в джунглях – партизаны. Предводитель повстанческого движения до ужаса похож на Кастро, только зовут его Филипп. Повстанцы,

между прочим, на всей планете подчиняются только ему. Железная дисциплина, показательные расстрелы... все, как у больших...

– Против кого они выступают? – нахмурившись, произнес Роббер.

– Да против всех, – пожала плечами Беата. – Им повод только дай. На моей памяти большие восстания случались из-за загрязнения окружающей среды и вырубки джунглей. Я, хоть и люблю природу, но считаю, что эти леса следовало бы немного проредить. Говорят, бывает, что повстанцы как раз напротив становятся на сторону промышленников, вырубающих джунгли. Филипп не совсем адекватен, по-моему, ему нравится воевать. Я отсюда столько народу вывела...

– Ты тут в розыск не объявлена? – хохотнул Роббер.

– За мою голову тут даже награда была объявлена, – скромно потупилась Беата. – Правда, это было лет пятнадцать назад, а по тутошним меркам даже и не знаю... Могло и лет сорок пройти.

Из тьмы вышел Кевин, с которого сползло что-то черное, сильно смахивающее на нефть. Впрочем, на траве, освещенной бликами слабого огонька, не оставалось никаких следов. Собаки Борегара нервно задергали ушами, одна даже слегка наморщила нос, словно приготовившись рычать.

– Где мы? – спросил он. – Куда делся Борегар?

– Борегар ищет дрова, а мы на Сейвилле, – ответил я. – Кстати, Соня высказала дельное предложение: они с Беатой могут нас вести в следующий раз, чтобы мы не прибывали к месту назначения вразнобой.

Трава зашуршала. Мы обернулись в ту сторону, псы настороженно задергали носом, но тут же успокоились. Я увидел бредущего Борегара, который прижимал к себе что-то скрюченное.

– Надеюсь, что это вообще будет первое и последнее совместное мероприятие, – буркнул Кевин, кивнув в сторону возвращающегося с охапкой каких-то сучьев Борегара. – Мне не нравится компания этого недоноска. Так что за Сейвилла?

– Мне тоже не нравится твое общество, Кевин, – ровным голосом произнес Борегар, бросив сучья на землю. – Так что вы там говорили о том, где мы?

Пока Беата вводила Кевина и Борегара в курс дела, мы с Роббером наломали влажных деревяшек и с легким сомнением сунули их в костер. Сырое дерево горело плохо, но искать сухие дрова никому не хотелось. От костерка поплыл приятный аромат чего-то пряного. Мы, не сговариваясь, подвинулись поближе, усаживаясь на землю. Усталость после напряженного дня начала сказываться на нас. Я оперся спиной о поваленный ствол и вытянул к костру, который неожиданно сильно разгорелся, слегка распухшие ноги. У меня всегда опухают ноги после прыжков, к счастью, длится это недолго. Пара часов отдыха, и я снова как огурец. Рядом пристроился Роббер. Кристиан уже дремал, подложив под голову рюкзак. Соня опустила голову и, похоже, спала. Да и у меня глаза слипались.

Разрушила идиллию Беата. Она вдруг повела носом, а потом, прервав разговор с Кевином и Борегаром, уставилась на костер, выругавшись так, что разбудила нас всех. Беата подбежала к костру и ногами расшвыряла головешки в разные стороны. Удивленный такой реакцией, я сначала подумал, что к нам приближаются враги, и соскочил с места, удивившись, что ноги подкашиваются в коленях, а голова тяжелая и дурная, как с перепоя. Роббер вскочил с места и тут же рухнул. Потом снова попытался встать, что получилось у него с большим трудом. Соня стояла, широко расставив ноги и мотая головой, как отгоняющая мух стреноженная лошадь. Кристиан встал довольно легко, но потом его начало кренить в сторону. Он не удержался на ногах и уселся на поваленный ствол.

– Что за хрень? – выругалась Соня. Ее голос тянулся на гласных, она не могла сфокусировать взгляд ни на ком из нас. Беата подняла валявшуюся на земле палку.

– Борегар, – ласково спросила она, – ты в курсе, что ты только что бросил в костер?

Борегар отрицательно помотал головой и подошел ближе, рассматривая палку. Потом пожал плечами.

– Деревяшка как деревяшка, – ответил он. – Мне некогда было их сортировать, да и темно. А что такое?

– Это дурман-дерево, – пояснила Беата. – Местные устраивают засады на зверей, разжигая костры из таких вот деревяшек. Все живое, что надыхнется этим дымом, засыпает как минимум на сутки. А если постоянно вдыхать этот дым в течение дня, можно и не проснуться. Видала я таких, вечно спящих. Между прочим, когда будете передвигаться по джунглям, не хватайтесь за листву, не жрите плоды, не спросив предварительно у меня, и цветы старайтесь тоже не нюхать. Есть тут такие растения, которые плюются ядовитыми иголками, а потом пожирают трупы. И они довольно красивы, что-то вроде орхидей. Так что увидите прекрасные соцветия, не спешите нарвать букетик.

Говоря это, Беата почему-то смотрела на нас с Соней. Мы лишь коротко кивнули, причем Соня отвернулась. Кевин нахмурился.

– Да, эти цветочки – опасная штука, – буркнул Кристиан.

– О чем ты еще нам забыла сообщить? – ядовито спросил Кевин.

– Ушами не хлопайте, – резко ответила Беата. – Сейвилла – опасный мир. Я тут тоже не великий специалист, не все знаю, не все помню.

– Что нам сейчас делать? – уныло спросила Соня. – Мы на Сейвилле, направления не знаем, да и вообще, тут Попрыгун или нет, нам неизвестно. Борегар, ты что-нибудь чувствуешь?

Борегар пожал плечами и неуверенно огляделся по сторонам.

– Я не могу сформулировать свои ощущения, – с легким раздражением произнес он. – Поначалу мне показалось, что здесь он был, но потом покинул Сейвиллу, а сейчас я почти уверен, что Попрыгун все еще тут.

– Где конкретно? – осведомился Кевин сочащимся ядом голосом. – В какую сторону нам направляться?

– Да откуда я знаю? – окрысился Борегар. – Я не могу определить, здесь он или нет, а ты просишь показать, куда идти.

– И какой тогда от тебя толк? – фыркнул Кевин.

– Мальчики, не ссорьтесь, – примиряющее произнесла Беата.

– Боюсь, Кевин прав, – вздохнул Роббер. – Мы неизвестно где, неизвестно зачем и у нас нет никаких ориентиров. Где гарантия, что Попрыгун в этом мире?

– И что будем делать? – спросил Кристиан, похоже, ни на минуту не потерявший оптимизма. Он вообще весь светился, как лампочка, несмотря на еще действующий угар от дурман-дерева.

– Предлагаю лечь спать, – сказала Беата. – В темноте мы явно ничего не найдем. До рассвета всего часа четыре. Потом можно поискать местных жителей и расспросить их относительно наличествующих катаклизмов. Я лично тоже не представляю, как в такой ситуации мы будем кого-то разыскивать. Утро вечера мудренее.

Не дожидаясь нашего согласия, Беата вытащила из своего объемного рюкзака надувной матрасик, ловко надула его и легла подальше от еще тлеющих головешек дурман-дерева, накрывшись чем-то вроде москитной сетки, образовавшей целый шатер. Мы с Соней тупо смотрели на нее, а потом синхронно двинулись к своему скарбу. Соня, разложившая свое спальное место, опасно посмотрела на траву.

– А змеи тут есть? – нервно осведомилась она.

– А как же! – радостно ответила Беата. – Кишмя кишат. Но сюда они не сунутся. Тут земля хорошая, чувствуешь? Как мелкий речной песочек... Они таких мест избегают, уж не знаю почему.

Слова Беаты Соню ничуть не успокоили. Она вынула из рюкзака тонкую лохматую веревку и разложила ее на земле, образуя круг.

– Это что? – спросил любопытный Кристиан.

– Веревка специальная, – пробурчала Соня. – По слухам, змея не пересекает ее. Не знаю, насколько это достоверно, но пока я ее использовала, ни одна змея ко мне близко не подползла.

– Нужно выставить дежурства, – решительно сказал Кевин. – Сколько до рассвета, Беата? Четыре часа? Отлично. Значит, первые два часа караулю я, потом меня сменит Роббер, ну а Борегар даст нам всем выспаться.

– Вот еще, – скривился Борегар. – Я не собираюсь никого караулить. У меня собаки есть, они ко мне никого не подпустят.

– Я сказал, будешь караулить, – с нажимом повторил Кевин. – Будешь умничать, караулить станешь каждую ночь. Роббер, если этот гад не захочет вставать, толкни меня, я ему устрою сладкую жизнь...

Борегар что-то пробурчал, но возражать не решился. Роббер хмуро кивнул и начал раскладывать на траве что-то темное. Кристиан уже спал, свернувшись калачиком на толстом коврикe. Мы развалились на импровизированных постелях, и, кажется, мгновенно заснули.

* * *

Пробуждение было крайне неприятным. Носок тяжелого армейского ботинка ударил меня прямо под ребра. Я взвыл и взвился с места, но мне прямо в лицо уткнулся холодный ствол чего-то сильно смахивающего на хорошо мне знакомый УЗИ. Я поднял голову и осторожно огляделся.

Над мной стоял высокий коренастый мужчина с заросшим до самых глаз лицом. На толстых, обветренных губах гуляла неприятная улыбка. Глаза закрывали круглые темные очки, а в уголке губ дымилась сигара. Облачен мужчина был в пятнистый комбинезон, в котором преобладали буро-зеленые тона. На ногах – тяжелые шнурованные ботинки на толстой подошве, на носке которых были странные белесые бугорки, напоминающие грибы. Но в целом у мужчины был какой-то ярмарочно-лубочный облик, как на революционных плакатах, где художники изображали хунту.

Соня стояла рядом на коленях, заложив руки за голову, но испуганной не выглядела. Лицо ее было мрачным, но не более того. Лично за нее я не волновался, когда, повинувшись горланному вскрику мужчины, встал на колени и поднял руки. Мускулы Сони были напряжены, она была готова в один момент вскочить с места, и горе тому, кто попадет ей на пути. Я скосил глаза в сторону.

У Кристиана было испуганное лицо, причем настолько, что ужас на почти детской физиономии казался комичным. В глазах плясали бесенята. Кристиан, рот которого плаксиво кривился, вдруг подмигнул мне. Роббер был хмур, но спокоен. Беата единственная из нас стояла и презрительно улыбалась. Ее жиденькие седые волосы развевались на ветру, хотя я голову бы дал на отсечение, что никакого ветра не было. Кевин с непроницаемой физиономией смотрел прямо на меня, и в его глазах тлели оранжевые точки. А Борегар... Борегара не было видно, как и его псов. И это мне не понравилось. Всех нас держали на мушке мужчины разной степени бородатости, как один похожие на Фиделя Кастро.

– Кто вы такие? – резко спросил мужчина, державший меня на прицеле.

– Мы – грибки, заблудились в лесу, – уныло сказал Роббер. За столь находчивый ответ его наградили ударом приклада по шее. Роббер крякнул и повалился в траву лицом вниз.

– Когда я спрашиваю, надо отвечать, – ехидно произнес мужчина с сигарой. У меня начали чесаться пальцы. Я вопросительно посмотрел на Беату, но та чуть заметно отрицательно покачала головой. Меня так и распирало от желания полоснуть когтями по физиономии нашего мучителя, но я сдержался. Открыть портал, прыгнуть туда и все. Любопытно, что любой из нас мог исчезнуть из поля зрения этих вояк за секунду, но почему-то никто даже не пытался это сделать. Никто, кроме Борегара. Его на поляне не было. Нигде не валялось его бездыханное тело, не было и собак, которые просто не дали бы никому подойти к хозяину. Это значило только одно – Борегар ушел с поляны сам, бросив нас на произвол судьбы.

– А не много ли чести, чтобы мы перед тобой отчитывались, Жером? – ядовито спросила Беата. – Или я так изменилась, что ты не желаешь меня признавать?

Мужчина недоуменно обернулся и посмотрел на Беату, недовольно поморщившись. Он смотрел на нее долго, сморщив лоб, отчего стал похож на задумавшуюся гориллу, а потом сигара выпала из его рта на землю.

– Ведьма, – прошипел он и поднял автомат. Беата лишь безмятежно улыбнулась и развела руками, и в этот момент Жерома сбilo с ног бесшумной волной ветра. Удар бы настолько силен, что вместе с Жеромом от земли оторвало меня и Соню, но нас задело значительно слабее. Мы взмыли в воздух, приземлившись готовыми к бою. Присевшая Соня держала в руках два угрожающе вращающихся вертолетными лопастями ножей на длинных шестах, мои пальцы горели, с них текла кровь. Но каждый из них был увенчан костяным когтем, распарывающем внутренности противника. Как-то я на спор почистил когтями яблоко, хотя это было жутко неудобно.

Хуже всех пришлось тем, кто держал на мушке Кевина. Я не успел заметить, как он преобразился. Просто метнулась темная тень, которую солдаты даже не могли взять на прицел. Беспорядочная пальба могла оказать нам плохую услугу, посему мы ринулись в атаку. Соня скакала в безумном волчке, перемещаясь в пространстве с ошеломляющей быстротой. Насколько мне было понятно, она в мгновение ока создает сотни крохотных порталов и прыгает из одного в другой, поэтому в нее и никак не могут попасть. Против меня с обнаженным мачете стоял здоровяк, только что бросивший на землю разряженный автомат. Краем глаза я увидел, как поднимается с земли и трясет головой Роббер, одежда которого трещит под наливающимися мускулами. Один из солдатиков подбежал к нему сзади и уперевшись стволом в затылок Роббера, завизжал:

– Всем стоять! Иначе я вышибу ему мозги!

Затем последовал неловкий щелчок, всхлип. Автомат солдата вырвался у него из рук и, перевернувшись, уставился ему в лицо немигающим черным зрачком. Позади солдата стоял Кристиан с белым, как мел, лицом и дымящимися пальцами. Беата улыбалась, как Мона Лиза. Кажется, в нее стреляли, но никакого вреда пули ей не причиняли.

Здоровяк с мачете прыгнул на меня, но моя скорость заметно превосходила его. Я поднырнул ему под руку и распорол когтями сухожилие на ноге. Он неловко взмахнул руками и упал на одно колено, упираясь на руку. Его глаза злобно горели. Второй рукой он махал перед собой, стараясь достать меня острием мачете, но я стоял гораздо дальше.

Мы все могли бы расправиться с солдатами, но не сделали этого. Силы были чересчур неравными, и мы это понимали. Со стонами и проклятиями наши противники падали в траву. Соня, мечущаяся как вихрь, остановилась, с трудом переводя дыхание. Ее лицо было бледным, под глазами темные круги. Я не удивлялся. Помимо битвы она тратила свои силы на открытие порталов. От нее отползал поскуливающий от ужаса солдат, чья одежда была изрезана в лапшу. Кровь ручьями текла на траву, но все нанесенные раны были поверхностными. Мой противник был ранен гораздо сильнее, вряд ли бы он смог когда-нибудь нормально ходить. Роббер с рычанием ударил в лицо солдата, автомат которого все еще висел в воздухе, и солдат улетел с поляны, словно им выстрелили из пушки. Кевин с суставным хрустом придавал себе

прежнюю форму, на что солдаты смотрели с ужасом. Даже нам это зрелище было неприятным. Соня поморщилась, упуская свое оружие. Я подошел к ней поближе. Кристиан опустил руки и сел на траву. Висевший в воздухе автомат упал на землю с металлическим лязгом. Беата продолжала улыбаться.

– Где Борегар? – спросил Кристиан, тяжело дыша. – Они его убили?

– Черта с два! – прорычал Кевин, оранжевые глаза которого тухли, как умирающая лампа накаливания. – Этот подлец наверняка нас бросил тут, а сам сбежал на доклад. А, может, и совсем сбежал. Роббер, ты разбудил его?

– Да, – кивнул Роббер. – Он без разговора встал и вроде бы собрался сторожить. Я сразу уснул.

– Миленко, – хмыкнула Соня. – И что нам теперь делать? Возвращаться? Куда нам идти, кого искать? Без Борегара наше путешествие бессмысленно.

– Ну, вообще-то он нам не сильно и помог, – меланхолично пожала плечами Беата. – Где искать Попрыгуна он не знал. Указал только мир. А толку от этого немного. Здесь, я думаю, нам могут помочь местные. Уж они-то в курсе, что происходит в их владениях...

Беата кивнула в сторону. Там со стоном корчился на земле поверженный Жером. Из его рта текла пена. Беата загадочно улыбнулась, но ее глаза были усталыми. Она одобительно посмотрела на Кристиана.

– Ты тоже телекинетик? – спросила она. Тот гордо кивнул. Беата потрепала его по плечу и пошла к поскуливавшему Жерому, пытавшемуся отползти подальше.

– Очень мило, – пробурчала Соня. – У Беаты как минимум два дара от императоров. Она может вести за собой людей, она телекинетик... Интересно, что она еще прячет в рукаве?

– По крайней мере мы знаем, что теперь представляют из себя Роббер и Кристиан, – шепнул я. – Кристиан тоже телекинетик, а Роббер – что-то вроде метаморфа, как Кевин, только он просто наливается мускулами, не превращаясь при этом в волка.

– Меня терзают смутные сомнения, что это не последний сюрприз в этом путешествии, – апатично произнесла Соня и устало села на землю. Ее лицо посерело от усталости. Я не успел заметить, как куда-то пропали ее ножи.

– У тебя руки в крови, – безжизненным голосом сказала она. – Надо ее остановить.

– Пустяки, – отмахнулся я, – это от когтей. Раны сейчас затянутся.

Я уселся рядом с Соней, протянувшей мне платок. Вытирая руки, я поморщился от боли. Все-таки это действие было крайне неприятным и болезненным. Не знаю, какие чувства испытывали при преобразованиях все остальные, но вряд ли им везло больше, чем мне. Вон Кристиан вырвал при помощи телекинеза автомат у солдата и едва не свалился от напряжения. Кевин после каждого превращения тяжело дышит, как будто в одиночку разгрузил целый состав, да еще потеет, как ломовая лошадь. Роббер сидит совершенно зеленого цвета, того и гляди стошнит, а Беата...

А Беата особо усталой не выглядела. Да, побледнела, даже губы обескровели, но в ее возрасте от подобного напряжения впору свалиться без чувств, а она ничего, держится, и даже скачет по полянке как юный поросенок. Это показалось мне несколько странным. Да и злополучный портал она прошла без особого напряжения, успев заметить, что тот был с начинкой... Заметила, в отличие от всех нас... Мне очень хотелось подумать об этом, но в голове гудело, как в набате. В этой ситуации хотелось только одного – лечь и поспать. Вот только условия не располагали для отдыха. Прыгнуть в свою квартиру, отдохнуть, а потом вернуться? Не пойдет. Времени мало, вдруг в этот самый момент гибнет очередной мир. А тут еще эти нестабильные временные потоки... Кто его знает, когда я снова выпрыгну тут? Наши ждать не будут... Или будут?

Беата подошла к Жерому вплотную и нависла над ним. Тот даже вскрикнул от страха, что совершенно не пристало взрослому мужику, который теоретически должен был подобно

всем бравым командос плевать смерти в лицо. Я мельком подумал, что Беата успела тут чем-то сильно прославиться, раз от нее шарахались доблестные солдаты, как от чумной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.